

Алёна Берндт

КАТОРГИН КУТ

Алёна Берндт
Каторгин Кут

«Автор»

2023

Берндт А.

Каторгин Кут / А. Берндт — «Автор», 2023

Эта легенда одной из ветвей семейного древа, герои этой истории жили когда-то в вятской губернии, история эта дошла до нас через несколько поколений. Речь в рассказе пойдёт о далёком времени, конец 19 века оживёт перед нами на страницах книги... Судьба была строга и порой несправедлива к героям, но стойкость духа, мудрость и, конечно, любовь победили зло.

© Берндт А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1. Дорога домой.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	15
Глава 5.	18
Глава 6.	21
Глава 7.	24
Глава 8.	27
Глава 9.	30
Глава 10.	33
Глава 11.	36
Глава 12.	39
Глава 13.	42
Глава 14.	45
Глава 15.	48
Глава 16.	52
Глава 17.	55
Глава 18.	58
Глава 19.	61
Глава 20.	64
Глава 21.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алёна Берндт

Каторгин Кут

Часть 1. Дорога домой.

Глава 1.

– Ну, Степан, бывай здоров. Да впредь не озоруй, коли не хочешь снова к нам сюда вернуться, – говорил Севостьянов, приглаживая пышные свои усы, – Мужик ты неплохой, дак вот и живи, как Бог нам всем велел.

– Благодарствуй, Никанор Андрияныч, – смиренно отвечал смотрителю сутулый плечистый мужик в простой рубахе, опоясанной грубой верёвкой, и с котомкой за плечами, – За всё тебе земной поклон, и супруге твоей, и матушке твоей долгие лета. Авось, да и свидимся когда.

– Не дай Бог нам свидеться, – ответил Севостьянов, – Уходи подальше от сих местов, пропадые они, гиблые. Много люда здесь оседает, кто с острога уходит, а всё обратно норовят попасть, никак им благодно-то не живётся здесь. Видать так прошлое камнем на дно и тянет. Уходи, Степан. В родные места ступай, авось там кто из родичей подмогнёт.

Махнул рукой Степан и зашагал по пыльной дороге прочь, думая о словах смотрителя. Родные места... кому он нужен там теперь, после дюжины годов в остроге, за чужую вину! Да что теперь про это говорить, как сказал ему Севостьянов, когда рубахой-парнем Степан попал в сибирский острог, ежели сюда направили – значит на тебе вина, безвинных здесь не держат.

Сперва дюже горевал Степан, всем и каждому рассказывая про свою невиновность, а пришёл день – смирился. Ежели Господь так управил, что попал он на каторжную работу, значит был за ним какой другой грех. Погас соколиный взор, помутнели глаза, покорно поникли могучие плечи, спина согнулась от ежедневной тяжёлой работы...

И какая-то смута на душе так и норовила убедить Степана, что ничего его не ждёт уже в этой жизни. Но он старался отогнать от себя уныние, шёл по дороге мимо пшеничного поля и любовался возрастающими хлебами, обещающими хороший урожай, и уповал на Бога.

Что ж, рукаст он был смолоду, работы никакой не боялся, авось и сейчас наладит кое-как своё житьё. А идти всё равно некуда, кроме как в родную деревеньку Сосновку, что на севере Вятской губернии находится. Может и вправду кто из родни поможет, да и родительский дом там остался... может и матушка ещё жива, хоть и дюже болела она после кончины отца, доходили до Степана такие весточки, а после и они перестали греть его стылую душу... Но он надеялся на милость Божью, и страшился поверить, что не сможет припасть к натруженным матушкиным ладоням, не попросит прощения.

Далеко идти, долгая дорога, а что поделаешь, убеждал себя Степан, лето только началось, погоды позволяют, где попутно с кем доберётся, где как. Денег у него было немного, да и на том спасибо Севостьянову – помог за Степановы труды, хотя мог бы и не делать такого благодеяния. Смотрителю стоило только приказать, и всё было бы исполнено в лучшем виде! Однако человеком Севостьянов был набожным и честным, потому, когда звал кого из каторжан к себе в работы, всегда денег обещал. Нет, на руки не давал, чтобы у иных не было соблазну на какие грехи! Но вот когда отпускали на свободу, всем долг свой отдавал сполна – что заработал, то и получи.

А Степан плотничал справно, отец сызмальства научил инструментом владеть, да и характеру он был покладистого, доброго. За то не только сам Севостьянов его приветил, но и хозяйка его, Авдотья Ильинична, бывало то монетку какую от себя прибавит, то кусок повкус-

нее положит. Вот и в дорогу Степану харчей собрала и рубаху новую дала, с красной нитью по вороту, перекрестила его:

– Ну, Степанушко, доброй тебе дороги! Охрани тебя, Святые Архангелы! Ежели что – не обессудь, зла не поминай. А захочешь, так и возвращайся, кров тебе всегда здесь будет.

Поклонившись тогда хозяйке, Степан было подумал, а не остаться ли... плотничать по селам, работы всегда найдётся. Да уж сильно болело сердце по родной стороне. Да и ежечасно видеть стены острога, слышать, как гудит острожный колокол, когда на работы гонят...

Плыли мимо поля, лес тёмною стеной возвышался позади, то и дело вдалеке слышались окрики, когда пастух пас на лугу деревенское стадо. Всё дальше уходил Степан Кузнецов от места, где провёл он столько лет, а казалось – чуть не всю жизнь. Когда стало вечереть, задумался – как ночевать будет? Вот вроде бы и деревня какая-то недалеко, а всё же страшно... Каких только баек не рассказывали каторжане, устало развалившись после работы прямо на земле. И о том, как обирают путников дорогой, а то бывает и жизни лишают. Так вот, только свободы отведаешь, как за гроши малые не пожалеют тебя, ибо кому ты нужен, кто искать станет такого человека, что с каторги идёт... чего доброго, неприкаянной душой и отойдёшь на тот свет!

А то и в лесу можно заночевать, костерок развести, отобедать, чем Бог послал, может и спокойней так-то, думалось Степану. Ночи не так чтоб холодные уже, можно и потерпеть. К тому же Авдотья Ильинична, дай ей Господь всякого блага, положила в мешок Степану старую мужнину сермягу. Добротная, ничего, послужит ещё, Степан с теплом в душе вспомнил и самого Севостьянова, и жену его, и ребятишек, Петрушу и Катеньку. Хорошая семья, Степану бы такую... Эх, как бы не судьбина горькая, может и у него бы теперь уже с пяток ребятишек по двору бегали!

Да что теперь горевать, года у него уже не те, чтобы девки в нём жениха увидали. Если вдову какую взять, да только и вдова не пойдёт за душегубца, у которого ни кола, ни двора...

Свернул Степан в лес, решил в деревне не ночевать. Не только боязно, но и непривычно – с людьми то... одному лучше. Он и в остроге держался особняком, дружбы ни с кем не водил, работал да молился усердно, тем его Севостьянов и заприметил, а кабы не он, так и неизвестно, где б теперь был Степан.

Облюбовав удобное место в низинке, достал Степан из мешка новый топор. Любовно провёл рукой по топорщику, тронул острие. Топор он купил в селе, первым делом, когда проводил его Севостьянов и закрыл за Степаном острожные ворота. Добрый инструмент, хорошо послужит, подумал Степан и улыбнулся. Наверное, впервые за много лет.

Нарубив елового лапника, он устроил себе постель под раскидистым высоким деревом, развёл небольшой костерок, хоть и варить ему было нечего, да и не в чем. Немного есть у него харчей, нечего объедаться! Сдвинув брови, Степан отломил кусок ржаного каравая. Он привык обходиться малым, а дорога долгая предстоит, вот и нечего менять своих привычек, думал он, отщипывая кусочки и медленно пережёвывая душистый хлеб. Вот она, воля вольная...

Утром словно кто его в бок толкнул, даже почудился звон острожного колокола, от того и подскочил Степан, уронив сермягу на мокрую от росы траву. Нет, не звонит колокол, не кричит бородатый Коровин, ругая каторжан и приказывая пошевеливаться... Тишина разлилась по округе, белый туман стелился в низине, укрывая травы и маленький ручей в овраге.

Немного зябко Степану, и в тоже время хорошо... Лес, тишина, и если хочешь, то ложись обратно на душистую еловую постель, спи, сколь спится! Не пахнет прелой соломой и застарелым потом, свежее утро бодрит и обещает новый день, который не по указке идёт, а сам собою.

Степан раздул угольки под золой, бросил сухого хворосту в огонь, всё веселее как-то, и снова прилёг, обернув плечи грубоватой сермяжной тканью. Можно этак хоть до обеда лежать, думал Степан, никто не погонит, а всё же непривычно, самому не ложится. Надо идти, до парома ещё два дня ходу, потом вниз по реке, а там до большого тракта рукой подать. Вот там

уже не заночуешь у первого камня – народ разный идёт да едет, вот где тяжко придётся... И страшно Степану, и радостно от вкуса воли, ведь сколько ждал!

Не смог долго лежать, омылся в студёном ручье да воды набрал с баклагу, хорошей, свежей... почти как дома. Путь веселее пошёл в этот день, хоть к обеду и подвело живот от голода, а останавливаться не хотелось. Ноги гудели в новых сапогах, и чего он придумал в них идти, надо было лапотки справить, и налегке... Эх, может хоть где старенькие раздобудет, а как до дому доберётся, так и сам сработает. Лыко у них в Сосновке знатное, тонкое, но крепкое, самое на лапти!

– Здрав буде, путник! – послушался позади Степана голос под скрип телеги, – Далече путь держишь? А то садись, веселее в беседе-то путь коротать.

Седой как лунь дедок на старой подводе догнал Степана. Такая же старая, словно так же сгорбленная уработанная кобылка тянула пустую подводу, и окружающий мир мало интересовал её. Потухшего глазу не повела на прохожего, только чуть сбавила мерный свой ход, пока Степан запрыгнул на свежее сено, укрывшее подводу, и зашагала дальше, мотая тусклой гривой.

– Благодарствуй, отец, – усевшись рядом с хозяином, сказа Степан, – А то уж ноги занемели шагать.

– Далече путь держишь, путник? Поди ж ты плотник, вона, топорище в мешка торчит.

– Плотник, дедо, умею маленько. Меня Степаном звать, – Степан очень старался говорить весело и дружелюбно, чтобы дед, чего доброго, не вызнал в нём каторжанина, да не ссадил с телеги – кому охота такого спутника...

– А меня дедом Акимом зови, Стёпа, – кивнул дед, – А что, на работы куда подрядился, ежели вон в дорогу собрался?

– Можно и так сказать, – уклончиво ответил Степан и отвёл глаза, лгать деду не хотелось, а сказать правду было боязно, а ну как ссадит с подводы, топай потом пешком.

– Ну и то ладно, – дед, казалось, и сам всё понял, да только вот виду путнику не показал, видать привышный был к такому люду, какого с этих местов много шло в разные стороны, – Ты, Стёпа, там под рогожкой глянь-кась. Квасок там есть, яичок сколь-то бабка моя положила, угостись. Дамно, поди, не едал такого-то...

– Спасибо, дедуль, – ответил Степан, – Только давай уж после вместе и за трапезу. А ты сам-то куда направляешься?

– А я, милок, на пристань еду, сына старшего встречать, на ярмарку в город по надобности ездил. Аль тебе не по пути?

– Как раз по пути, и мне на паром надобно, дедо. А ты не прочь, если я тут у тебя посплю немного, на сенце? Душистое, хорошее, как дома... В сон дюже клонит, сил нет, растрясло.

– Дак поди спи, чего маяться, – кивнул дед, – За поклажу свою не бойсь, в целости сохраню. Тебе поспать – святое дело... вам, болезным, от зари до зари сколь пришлось...

– Двенадцать годов без малого, дедо, – честно признался Степан, он понял, что дед сразу распознал в нём идущего с каторжной работы человека, – Но ты не бойсь, я ничего тебе не сделаю худого... не такой я!

– А чего мне бояться, – усмехнулся дед Аким, – Я на своём веку всякого повидал, плохого человека сразу видать. Тама рогожкой накройся да спи, сколь надо. До пристани ещё ходу полторы дни.

Степан умастил под голову свой мешок и стал глядеть в высокое синее небо, по которому плыли вдаль белёсые лёгкие облака. Вот бы так же, беззаботно и просто проплыв по небосводу, оказаться в родной Сосновке...

Глава 2.

Проснулся Степан, когда вечерняя заря уже разлилась по небосводу, окрашивая в ласковые розовые тона воды большого озера, мимо которого медленно топала старенькая кобыла деда Акима. Сам он то и дело клевал носом и отпускал поводья, от чего лошадка, чуя слабость и недогляд, тут же принималась на медленном ходу подхватывать придорожную траву.

– Дедусь, ты никак и сам придремал, – тронул Степан дедов рукав, – Давай, я сяду погонять-то, а? Или может остановимся, вон как у озера-то хорошо. Костерок разведём, у меня вон хлебушка немного есть, перекусим да заночуем до утра.

– А, Стёпа, проснулся? – поднял голову дед Аким, – Чего ж нам под кустом-то спать. Чичас вот доедем до Архангельской, там у меня родичи живут. Тётка Матрёна баньку справит, спать уложит, как люди выпьемся. Что, согласен?

– А что ж нет, конечно, согласен. Всё спокойней, чем как заяц под кустом, на каждый шорох просыпаться. Мужики у нас сказывали, много люду лихого сейчас по дорогам-то бродит. Охота ведь живым-невредимым до дому дойти. Спасибо тебе, дедусь, что приветил меня, не спужался.

– А чего! Плохого человека завсегда видать, не думай. Сам вот поживёшь, поймёшь, про что я говорю. Вон, виш, уже и Архангельское видать, за озером то оно и есть.

Тётка Матрёна, дородная румяная женщина, стояла у ворот уперев в бока руки. Только глянув на парнишку лет десяти, она кивнула деду Аким и пристально рассматривала сидящего в телеге Степана. Парнишка, повинувшись приказующему взгляду, шустро растворил ворота, взял под уздцы кобылку и ввёл её в широкий ухоженный двор. Большой дом возвышался над соседними избами, каменное его основание было сработано на века. Верхняя деревянная часть дома была украшена замысловатой резьбой, и Степан смотрел на это великолепие широко раскрыв глаза. Вот бы и ему так научиться, это же какая красота руками человеческими сработана! Это тебе не топором тесать! Тонкая работа, инструменту требует особого!

– Здравствуй, Матрёна Семёновна, – сказал дед Аким, слезая с телеги и разминая ноги, – Ох, и тряско нынче, тяжела стала дорога! То ли дорога стала худая, то ли кости мои постарели!

– Здравствуй, Аким Игнатьевич! С приездом. А кто это с тобой нынче прибыл к нам?

– Это Степан Кузнецов, попутчик мой. Прошу, хозяйюшка, приветь и его, не оставлять же человека за воротами. А по утре мы с ним на паром вместе и двинемся, аккуратно за полдень доберёмся, даст Бог.

– Здравствуйте, Матрёна Семёновна..., – тихо сказал Степан, уж больно грозен был у хозяйки вид, и думал он, что не ко двору пришёлся, хозяйка своего сродника ждала, а тут гость...

– Здравствуй, Степан. Ну, гости дорогие, располагайтесь. Сейчас вам Васятка поможет. Василий! Подь сюда, возьми у деда, что тётка прислала! Там поди и вам с Карпушкой гостинцы!

Васятка, весёлый шустрый парнишка тут же завертелся около гостей, засыпая деда Акима вопросами и немного боязливо поглядывая на Степана.

А зря Степан тогда подумал, что не ко двору он тут. И в бане его попарили, и за стол посадили вместе со всеми. Высокий плечистый парень, которого хозяйка уважительно звала Николаем, принёс с улицы большой самовар, и по дому поплыл вкусный, знакомый Степану с самого детства дух. Аж горло прихватило, так затосковало сердце по родному дому, по ушедшим навсегда в далёкое прошлое временам, когда был Стёпушка маленьким и сидел у стола с матушкой и отцом, так же вот подмигивая своему отражению в пузатом боку самовара...

Никто ему никаких вопросов не задавал, не вызвали кто он и куда направляется. Больше спрашивали деда Акима про родню, про житьё и про цены на ярмарках.

– Степан то у нас уже и носом клюёт, -заметила тётка Матрёна, – Давай-кась, Николаша, проводи человека. Умаялся в дороге, пусть выпится. Я вам в клетки постелила, Аким, там отдохнёте.

Подушка пахла сеном и пряной травой, от этого Степану стало благодно и хорошо. Растянулся он на тюфяке, тело после бани и душистого чая разомлело и словно бы растеклось по чистой постели. Он уже было придремал, слыша, как разогнала Матрёна спать детвору, как давала указания Николаю. И уже в полусне услышал он тихий разговор, когда тётка Матрёна говорила деду:

– Ведь каторжанин он, аль ты не понял? А ну как тебя где по голове ахнет да и бросит в канаве....

– Да не болтай, на человека наговаривать – грех это! – отозвался дед, – Надо было бы, так давно бы меня пришиб. Не такой он, ты глянь на него, чего угодно могло быть, а и дураку понятно – не душегубец он. Несчастный человек, как не помочь, Бог с тобою, рази так можно! Да и мне с им спокойней до парому добраться, страшно одному то!

– Ну ладно, сам смотри, ты уж чай не дитя. Обратно как с парнями поедете, в Уезде мне кой-чего прихвати, завтра скажу, чего и сколь надобно.

Заговорили о своём, а Степанов сон куда-то улетел. Лежал он и думал, что теперь вот так всё в его жизни и станется – хоть и видят по нему, что он не душегубец, а всё одно опасаются. Так и станет всю жизнь на своих плечах крест за чужую вину нести...

И вспомнились Степану те времена, когда был он молодым парнем, матушка уже и про невесту с ним не раз заговаривала, а отец усмехался при том. Один Степан у Кузнецовых был сын, так уж Бог управил, что пришлось его матери, Варваре Серафимовне схоронить во младенчестве троих кровиночек, пока дал Господь им за терпение сынка Стёпушку.

Шёл тогда Степан от деда старого, отцова отца, время было уже к вечеру. Дед жил на выселке за речушкой Шышмой, идти к нему хоть и было далеко, а всё же Степан любил и бывать у деда, и путь к нему. Высокие сосны гудели вершинами, ловили ветер своими ветвями и пели свои вечные песни. Ночь уже надвигалась на Сосновку, наползая тёмным краем на лес за селом.

Степан шагал, напевая себе под нос и гоняя босыми ногами шишку, попавшую по пути, как вдруг у самой околицы, за старым гумном он услышал глухие стоны. Бросившись туда, он увидел распластанное на земле тело, от лица осталось кровавое месиво, и от страха Степан не смог различить что же это за человек. По одежде это была женщина, окровавленная рубашка была разорвана, женщина хватала руками землю и страшно стонала...

Степан подхватил женщину, приподнял голову и ощутил под руками горячую кровь, струящуюся по телу и волосам. Подложив под голову раненой свою холщовую суму, Степан попытался руками зажать страшную рану чуть ниже шеи женщины, из неё широкой струёй хлестала кровь.

В отчаянии Степан завертел головой и увидел, что по дальней тропинке по-за полем идут люди с покоса, и он закричал, что есть мочи. Косари бросились на крик, двое мужиков в ужасе уставились на Степана и его залитую чужой кровью рубаху... Подбежавшая за ними следом женщина громко завизжала и без чувств рухнула на траву.

А потом... а не было уже для Степана никакого «потом»! Двенадцать лет каторжных работ за убийство неизвестной женщины, вот что было потом. Не обнял он на прощанье мать, не простился с отцом, Степан словно сошёл с ума от горя и страха. Сначала он пытался дозваться, докричаться, что это не он, что он не мог такое сотворить и женщины этой никогда в жизни не видал, за что ему было убивать?! Но его уже никто не слышал. Так и оказался парень неполных «осмнадцати» лет отроду в сибирском остроге.

И вот теперь он идёт домой... А что дома? Да если он, дом, неизвестно. То, что отец умер он знал – дошла весточка от матери, переданная с людьми и чудом добравшаяся из их деревушки до Степана. Да и то, благодаря Севостьянову, как уж тут без этого.

Страшно стало Степану, застыла от страха душа. Вот теперь тётка Матрёна как про него говорит? Так и другие люди станут про него думать – душегубец, убивец... Сторониться станут, кто ему поможет – никто! Куда он идёт, к кому, и к чему? Может и права была Авдотья Севостьянова – надо было там и оставаться, работа была, крыша над головой. Сам Никанор Андрияныч к нему по-доброму, по-человечьи относился, уж он то за свою жизнь душегубцев повидал не мало. Сразу Степана и разглядел, что не такой он, не губил чужой жизни. Хотя сам только раз и спросил Степана, после пары рюмок наливки в Престольный праздник:

– Скажи, Степан... как же вышло то так? Поди ж нечаяно, не угадал с силой, или как?

– Нет, Никанор Андрияныч, хочешь, Святым Крестом побожусь, не делал я этого...

– Ладно... чем уж мне только не божились тут, а что поделать, я вам не судья, – был ответ Севостьянов и больше они про это не заговаривали, хоть не раз ещё приходил Степан на работы в смотрителево подворье.

В тяжёлых думах заснул Степан, подмастив под голову набитую сеном подушку и решив, что утром повернёт он в обратную сторону, вернётся в Солонцы – небольшую деревеньку, где обосновались бывшие каторжане. Такие, как он сам... И пусть снова будит его по утрам ненавистный острожный колокол, пусть снова серые тучи идут низко, чуть не по самым плечам, редко отпуская на суровую землю солнечный луч.

– Стёпушка, просыпайся, – раздался над ухом Степана ласковый голос деда Акима, – Матрёна завтрак собрала, ужо давай, подымайся. Пораньше выедем, до полудня ещё у парома окажемся. Тем паче Матрёна Гнедого своего даёт, мою-то Зорьку покуда тута оставлю. Стара уж она, а Матрёне заказ большой с Уезду везти буду, вот и выторговал себе коника покрепче, чтобы старушку мою не мучать.

– Дедусь... я вот тут вчера поразмыслил..., – начал было Степан, но дед его остановил.

– Обожди, Стёпушка, давай чуть опосля. Я вот тут лапотки тебе добыл. Несподручно ведь в сапогах-то тебе шагать. Ты сапоги в мешок спрячь, всё же не так приметно! Говорят, на Уездном-то тракте, и после, когда дальше идти, лихих-то людей немало встречается. А у тебя одёжка вроде бы и не приметная... а вот сапоги новёхонькие! В лаптях целее доберёшься!

– Благодарствуй, дедусь! Век за тебя молить Бога буду, – ответил Степан и вдруг передумал в Солонцы возвращаться.

Уж столько пройдено, думал он, сдувая пар с чайного блюдца, и люди ему хорошие встретились, вон дед как за него печётся. А что в Солонцах? Там ведь не такие как сам Степан, без вины на душе, а есть кто за копейку малую людей губил. Нет! Прав Севостьянов, надо уходить с этих гиблых мест! Домой, в родную деревню, авось матушка ещё скрипит, болезная!

Глава 3.

– Вот и паром, добрались, дедо, – объявил Степан деду Акиму, издали завидев блестящую в низине широкую реку и деревянную пристань на берегу, – Знать, пришла пора расставаться, дедуся...

Степан держал поводья резвого и чуть строптивого Гнедого тётки Матрёны, а дед Аким, развалившись в подводе на сене проспал почтай всю дорогу до реки. Степан правил лошадь, отвыкшая было за столько лет рука снова ощутила то забыло чувство, когда горячится конь, рвётся уйти в сочные травяные луга.

Вот доберётся Степан до дому, справит себе коника, хоть бы и плохонького, а всё же в дому работник, думал он, глядя на проплывающие мимо холмы, и небольшие деревеньки вдалеке от дороги.

– А ты не тужи, что расстанемся! – весело подмигнул ему дед Аким, – Всё у тебя сложится, своя у тебя дорога. Мне вот обратный-то путь долгий будет – за Матрёниным добром в Уезд придётся катиться, это какой круг, да хоть бы и то не одному. Вот сейчас Ивана моего повстречаем, а тебе только утром завтра на паром-то, ещё соскучишься здесь.

Немногим позже остановилась дедова подвода у старого постоянного двора возле самой пристани. Хозяйка двора недовольно смотрела на приезжих из-под руки – дескать, чего тут встали, а во двор нейдут, денег за постой платить не желают! Вона, в колодец полезли, коня поят...

– Ты, Степа, меня чичас послушай, – сказал дед Аким, укладывая в Степанов мешок ржаной каравай, обёрнутое чистой тряпичей сало, сухари в мешке и крутые яйца, – На пароме ни с кем не говори о себе, люди всякие там едут, тебе ни к чему нехорошие-то попутчики. Говорят, кое-кого и не доискались опосля таких-то разговоров! Ушлый народ тут завёлся, нехороший. И потом к ночи-то старайся где-то в деревне оказаться, на постой просись, на сеновал там, или в стогу ночуй, так покойнее будет. До тракту тебе три дня пути, если ночь не идти, то и все пять. Но уж лучше так, ибо болота там нехоженые, топкие, лес на много вёрст – чуть свернул с дороги, да обратно можно и не выйти. Понял?

– Понял, дедо. Спаси тебя Господь, и всех сродников твоих. Тётке Матрёне поклон передай, что харчей дала, и лапти. Всё же и правда, как в них дорога легче кажется!

– На-кось вот, тут немного, но на харчишки какие по пути хватит, – в натруженной ладони деда Акина звякнули монеты.

– Не надо, дедо, благодарствуй! У меня есть деньги, я ведь не какой-то валандай, работу знаю, маленько собрал.

– Получше спрячь, на траты оставь мелкую монету, да и ту никому не показывай, – учил дед, – Ну, коли вертаться надумаешь, милости прошу. Спросишь Решетиловых, тебе каждый путь к нашей избе укажет!

Степану было боязно расставаться с дедом Акимом и дальше отправляться в путь совсем одному, никак не отпускали его эти места, суровая сторона. Но уж коли решил – надо идти!

Встретили с парома Ивана, старшего из сыновей деда Акима, и Степан подивился – та же стать, те же повадки – вот копия отца был тот Иван Акимович, только помоложе да покрепче. Пообедали вместе, Степан помог погрузить на телегу мешки, что привёз на пароме Иван – а было то посевное зерно, что под зиму сеют, специально за ним и ездил Иван за сколько-то вёрст.

Тут и пришла пора прощаться, долго смотрел Степан вслед подводе, которую резво тащил строптивый Гнедко по дороге в уездный город. Дед Аким перекрестил Степана, благословил в путь, всё же и потеплее на душе стало, не так боязно, и подумал Степан, хорошо же всё складывается, может и доведёт его вот эдак-то Господь до родного края.

– Может чарку налить тебе с устатку? – скалилась в улыбке хозяйка постоянного двора, где собирался заночевать Степан, – Знаю я вашего брата, давно поди хорошего-то винца не пробовал, а?

– Благодарствуй, хозяйка, не надо. Мне бы кваску, квасок у тебя хорош, мастерица ты на это дело, – отвечал Степан ласково, чтобы не обидеть хозяйку, да только та недовольно губы поджала, не одобряя отказ гостя от вина.

А Степан видел, как раздобревшие от такого потчевания хозяйки гости чаще открывают сумы да мечут на стол деньги, позванивая о затёртые доски стола, как приносит она им и угощение попроще, да нахваливает шибче. А сама берёт за это подороже, пока хмельной гость и не доглядит.

Степану это не подходяще было, у него каждый грошик, каждая копеечка была потом выстрадана, не на вино да чёрствый пирог он желал её потратить, поэтому и отправился спать, едва поужинав в большой общей комнате постоянного двора.

Долго ворочался он на жёстком, несвежем тюфяке и уговаривал сам себя, что завтра спозаранку речной ветерок освежит лицо, даст надежду на новую счастливую жизнь, к которой идёт Степан. Внизу громыхали посудой, смеялись неугомонные постояльцы, любящие погулять, а Степану уже грезились родные спокойные места. Вот доберётся до дому, и никуда больше не отлучится, навсегда останется там, где отцы-деды землю пахали, хлеба сеяли...

Спозаранку, когда солнышко ещё только озолотило край леса по-над рекой проснулся Степан и первым делом проверил свои вещи, не пропало ли чего. Уж больно хитра хозяйка, черный глаз которой так и шарил по одежде да поклаже постояльцев. Всё оказалось на месте, Степан омылся, надел чистую рубаху, а прошлую забрал у работницы, которой отдавал постирать за денежку, тайком от хозяйки.

– Ты только хозяйке не сказывай, – шептала измученная работой молодая женщина, – Не дозволяет она... чтобы мы, минуя её карман... а мне четверых ма́лых кормить-одевать!

– Не страшись, не скажу, – обещал Степан, – Ты рубаху утром ранёшенько принеси, покуда она не видит.

– Так не просохнет до свету, сырая будет.

– Ничего, я в мешок положу, а на пароме достану, на ветерке просохнет.

– Доброго тебе пути, Степан, Храни тебя Господь от всякого зла, – женщина благодарно приняла медяк от Степана, спрятала под фартук его рубаху и заспешила на двор.

Паром уходил рано, и в тумане, наползающем на пристань с речной широты, зябко позёвывавая толпились люди, ожидая, когда паромщики начнут пускать путников. Степан встал чуть в сторонке, не желая ни с кем вступать в разговоры и водить знакомства. И так уж один, какой-то вертлявый и хитро шутившийся, безо всякого дорожного мешка или другой поклажи, подошёл к нему с каким-то пустым вопросом. Степан хмуро буркнул в ответ, что ничего не знает и отошёл в сторону. Доброго бы человека встретить, да идти попутно, тогда бы и не так было боязно в дороге, да как узнать, кто здесь добрый... Он столько годов только и видал, что высокие острожные стены, над которыми сначала поднимается, а после опускается белый день, и люди угрюмо ждут ночи, чтобы хоть на немного дать отдых изломанному работой телу.

Вода скользила мимо бортов, на большом пароме, уходящем вниз по течению полноводной суровой реки, тихо переговаривались люди, ржали лошади, день разгорелся теплом, и разморенные летним зноем пассажиры больше дремали или просто сидели на своей поклаже.

Степан примостился на нешироком деревянном сидении, рядом с бородатым мужиком, беспокойно хватающимся за свой пояс, так, что даже глупому было ясно, где у него защиты деньги. Потом сидел худой человек в очках на длинном носу, его дорогие саквояжи стояли рядом с ним, он свысока оглядывал народ на пароме и морщил нос. При нём был мальчик лет двенадцати, который испуганно оглядывался по сторонам и постоянно тянул ворот новой

рубашки, видно было, что в услужение его отдали совсем недавно, и теперь ему очень хочется забраться в какой-нибудь уголок и оплакать разлуку с родными.

Степану было жаль мальчишку, к тому же этот длинный в очках то и дело гонял его туда-сюда. То отправил узнать, не освободилось ли место там, где не было такого «месива людей», а на добротных скамьях сидели важные господа, и дамы с зонтиками, то приказывал достать что-то из большого баула, стоявшего поодаль.

– Надо же, какая оказия! – ворчал человек в очках, – Это ты, Гаврилка, проворонил всё! А я говорил тебе – беги за билетом пораньше, чтобы попасть вон туда, где господам и место! А ты всё проспал! Вот погоди, доберёмся до дому, скажу Ивану, пусть высыпет тебе для науки!

Гаврилка сжимал зубы и изо всех сил сдерживал слёзы, отправляясь по новому поручению господина в очках. Передохнуть мальчик смог только когда того разморило жарой, он привалился к боку бородатого мужика, который и сам давно похрапывал, очки съехали с носа и повисли на золотой цепке.

Степан видел, как шуруется на цепку тот, хитроватый, который его о чём-то спрашивал на берегу, а теперь с весёлым видом прохаживался по парому, раскидывая шутки под хохоток измученных жарой людей.

– Что, Гаврил, устал? – обратился Степан к мальчику, который уселся у его ног и не спускал глаз с поклажи высокого человека в очках, – На-тко, яичко тебе, поешь маленько. Да ты не дичись, я тебе худого не сделаю. И за поклажей вашей посмотрю, не сумлевайся. Поди, сюда присядь, куда спит этот...

Мальчик недоверчиво глядел на него, но голод и усталость своё взяли, он сел рядом со Степаном и взял из его рук угощение.

– Мамка меня в учение отдала, – пробормотал Гаврилка, жуя яйцо, – А куда деваться, у неё нас семеро, отца зимой в лесу деревом придавило, на Масленицу и помер... А Венедикт Карлович ей и предложил меня, как старшего, забрать в Москву, обучить ремеслу. Папаша-то евойный ма... манифатурой владеет. А сам он к тётушке своей приезжал в наше село, рисовать... пизажи... ну, картины такие.

– Ну, крепись, брат. Ремесло – это тебе пригодится, руки умелые никогда не дадут голодать. Приляг вон, поспи. Я за баулами вашими посмотрю.

– Благодарствуй, дяденька, я маленько прикорну, – пробормотал мальчик, лёг, подложив под щёку свой картуз, и тут же заснул.

Степан встал, чтобы сон не сморил и его, и прошёлся рядом. Подтащил поближе баул этого Венедикта Карловича, при том сердито зыркнул на хитроватого, а тот поспешил замешаться в толпе и не рисковать, видать понял, что Степан разгадал его интерес.

Мерное журчание воды за бортом нагруженного парома уgomонило добрую половину его пассажиров. Степан же, привышный спать мало, от темна до первого свету, а то и того меньше, сидел и смотрел на проплывающие мимо деревеньки и сёла... Бабы полоскали бельё на мостках, где-то мальчишки купались голяком и удили рыбу. Широка простёрлась река, от одного края до другого на лодчонке поди и за полдня не доплыть, думал Степан. То ли дело тихая Козойка в его родной Сосновке, в жаркое лето по пояс брод можно перейти. По-за деревней выпадает она в Холуницу, и несёт дальше свои воды...

Вздрогнул Степан, чуть было и сам не задремал, а между тем день уже перевалил за полдень, народ загомонил, скоро должна была показаться пристань. Степан тихонько потряс Гаврилку за плечо:

– Эй, малец, проснись-ка. Сейчас вон Венедикт твой заворочается, чтоб не попало тебе, поди-кось, подле него сядь. Вот тебе, спрячь в карман, – Степан сунул в руку мальчика завернутую в тряпицу шаньгу тётки Матрёны, – Перехватишь опосля!

Так и вышло, не успел Гаврилка сесть рядом с хозяином, как тот дёрнулся и завертел головой:

– Что я, задремал? А ты... А ты молодец, – похвалил он мальчика, – Смекалистый, что спать-то всем негоже, присмотрел за поклажей нашей! Напомни мне, я тебе в городе за то леденец подарю!

Довольный Гаврилка подмигнул Степану и тот заулыбался в ответ. Спускаясь по скрипучим сходням, Степан махнул на прощание рукой, и Гаврилка скрылся в толпе следом за своим долговязым Венедиктом Карловичем.

А перед Степаном зашумел пугающий город, повозки гремели по каменистым мостовым, и Степан со страхом подумал, как бы ему выбраться поскорее за город, на дорогу до большого тракта. Идти меж полей и лесов ему было куда спокойнее, чем такая толчея... А может и паровозом повезёт проехаться, знать бы ещё – как на него попадают, чтобы в нужное-то место уехать. Выпал Степан из жизни, на дюжину лет, а теперь казалось, что чуть не на всю жизнь и выпал...

Глава 4.

Из города Степан выбирался долго, плутал по узким улочкам, и уже совсем было отчаялся выйти на нужную дорогу. Однако и здесь не обошлось без добрых людей. Присев у колодца на какой-то кривой улочке меж небогатых домов, Степан наполнил водой свою баклагу и посмотрел в вечеряющее небо.

«До ночи мне не выбраться видать, то-ли город большой, то ли меня чёрт кругами водит, – думал он, омыв лицо колодезной водой, – Дед Аким говорил, что надо мимо церкви большой, да по прямой... А я где не туда свернул, попробуй теперь, разбери!»

– Что, путник, притомился? – возле него остановился мужик верхом на вороной кобылке, – Дай-кось, и я коника напою, мне ещё три версты пути... Ужо скоро дома буду!

– Мил человек, скажи ради Бога, как мне на дорогу выйти, чтоб на тракт вывела? Где-то я не туды попал...

– А и верно, что не туды, – рассмеялся всадник, и спешился, – Видишь вон в далеке большой дом с воротами? Вот ты перед ним сверни на улочку, да иди до пруда, а от пруда увидишь церковь, иди до неё. Там уже прямая дорога от неё тебя и выведет. Куда ж ты на ночь-то глядя? До тракта далече пешему.

– Да я не спешу, сколь дни надо, столь и пойду, – отозвался Степан, – Спасибо тебе, добрый человек! Доброго тебе пути!

– И тебе помогай Бог! – путник подождал, пока лошадь напьётся, хлопнул её по пыльному боку и заспешил своей дорогой.

Разведав таким образом дорогу, Степан заспешил по указанному всадником пути, он хотел до темна выбраться из города и заночевать где-то в лесу, или на пустующем до жатвы гумне. Ему не хотелось снова вдыхать знакомый запах прелой соломы от тюфяка на постоялом дворе. Подобный тюфяк служил ему постелью долгое время, а сейчас он предпочтёт такому голу землю.

Солнце уже почти село за кромку леса, только краешек ещё разливал по небосводу свои тёплые лучи. Степан уже выбрался из города, и о том, что он идёт верным путём, ему говорили остановившиеся на ночлег подводки. То в постоялом дворе у дороги, а то и простом хозяйском подворье стояли гружёные телеги, рядом расположились на отдых усталые люди.

Возле большого озера, широкой гладью раскинувшегося справа от дороги, редким лагерьем расположились те, кто посмелее. Степан приметил, что это были люди крепкого сложения, видимо большой ватагой возвращающиеся либо с ярмарки, либо ещё с какого-то большого торгового места.

Рядом с такой вот компанией из семи примерно человек он и решил расположиться на отдых, пройдя чуть дальше от стоявших покоем вокруг костра подводки и тихо переговаривающихся между собой людей. Они заметили Степана, разговоры смолкли, все настороженно смотрели, что будет делать пришлый человек.

Степан же разулся, сел на небольшой обрубок бревна, валявшийся на самом берегу, и положил рядом свой мешок. Ноги гудели от долгого пути и жары, уже дававшего себя знать лета, Степан огляделся и убедившись, что густая ракета и высокий камыш скрывают его от посторонних глаз, скинул одежду и полез в воду. Добыв с самого дна своего мешка тряпицу, он развернул её и осторожно потёр меж мокрых ладоней небольшой кусок душистого мыла. Это ему дала старенькая матушка смотрителя Севостьянова, Аглая Осиповна. Дюже она такое любила – в доме смотрителя она блюла такую чистоту, что ни единая пылинки без её ведома не могла лежать на выскобленном дожелта полу.

– Бери, Степан Фёдорович, вещь это полезная! – говорила старушка, заворачивая мыло в чистый рушник, – А в дороге, так и вовсе без неё невозможно. Ты меня, старую, слушай – ежели

станешь себя в чистоте блюсти, то и здоровье сохранишь, никакое поветрие к тебе не пристанет. Да и люди на тебя будут смотреть хорошо, и самому будет благостно. Это не в пример зольного щёлока, полезная для здоровья вещь.

Степан и не спорил, с благодарностью брал, что дают и не переставая молился о всех благодетелях, собиравших его по доброте своей на долгую дорогу.

Вода в озере была ещё холодной, летнего тепла было пока мало, но после купания Степан почувствовал, как силы возвращаются к нему, озябшее тело словно иголками покалывало, унимая усталость в ногах. Облачившись в чистую рубаху, он развесил на ветках постиранную в надежде, что к утру она высохнет на свежем ветерке. В остроге он никак не мог привыкнуть именно к этому – к грязной одежде и редкой возможности её постирать, потому теперь с наслаждением вдыхал аромат мыла, исходивший от него.

Достав скудный свой паёк, он собрался было перекусить, да и устраиваться спать, подложив на траву свою сермягу, как вдруг кусты зашуршали, Степан вздрогнул и поднялся на ноги. Перед ним из спустившегося на озеро сумрака показался человек в светлой полотняной рубахе:

– Здрав буде, человек добрый, – сказал незнакомец, – Прости, что я незван к тебе... Мы тут с мужиками с базару вертаемся, костерок у нас, похлёбка... пойдём к нам?

– И тебе здравствовать, – ответил Степан, пристально разглядывая незнакомца, идти было боязно, но и отказаться не хотелось, – Да что вас беспокоить, я уж сам тут обустроился, заночую. До тракта я иду по своей надобности, не по пути с вами, в обратную считай сторону.

– Пойдём, так ведь и тебе, и нам покойнее будет... старшой у нас говорит – что там один человек, в компании-то всем лучше...

Степан понял – ему беспокойно, кто бы его, одинокого путника не обидел, а им, что с выручкой возвращаются домой, тоже страшно – чего он там задумал, сидит один в кустах. А ну как тать какой?!

– И правда, ватагой-то не так и страшно ночевать, – кивнул Степан, – Сейчас иду, соберу только свой скарб маленько... рубаху вон повесил сушить.

– У огня скорей высохнет, – посоветовал незнакомец, – И на соломе спать, всё не на голой земле.

Степан собрал пожитки и через кусты пошёл вслед за незнакомцем, который при свете костра оказался молодым парнем лет семнадцати. У костра сидели трое бородатых мужиков, ещё люди спали кто на телеге, кто под нею. Трое тихо переговаривались под треск костра, а увидев Степана замолкли сперва, и один, видимо старший, сказал:

– Здравствуй, человек добрый. Садись к нам, повечорьем чем Бог послал. Как тебя величать? Я – Илия Федотыч Миронов, это сыновья мои, а там братко мой, да сродник Антип. Вон и спутник наш, тоже идёт попутно на паром, Захаром назвался.

– Степан Фёдорович я, – ответил Степан, – Благодарствуйте, люди добрые, – он присел у костра и обвёл присутствующих взглядом.

В том, кого назвали Захаром, он в неприятным удивлением и даже некоторым страхом признал того, хитроватого, с паром. Он и теперь сидел чуть поодаль, прислонившись спиной к высокому вязу, и прищурившись смотрел на Степана.

Не понравился Степану его взгляд, да что скажешь – самого позвали вроде как бы «в гости», а как известно со своим уставом в чужой-то монастырь не ходят! Только зачем же этот Захар идёт в обратную-то сторону, если он давеча со Степаном на одном пароме в этот городок и прибыл...

Степану дали миску с кашей, повеяло мясным духом, и он с трудом сдержался, чтобы не начать быстро, как привык за последние года, орудовать ложкой. Ел медленно и степенно, с удовольствием ощущая, как силы наливают тело, а от сытой еды начинает клонить в сон.

Но только беспокойно было Степану, как ни клонилась голова прилечь на посланную рогожу, а крепился. Дождался, когда все затихли. Сыновья Илии Федотыча давно посапывали,

раскинув руки в стороны, последним улёгся спиной к костру и ровно задышал этот самый Захар. У костра остался сам один Илия Федотыч, ковыряя длинной полкой сыплющие искрами головни.

Тогда-то и поднялся тихо Степан, взял ковшик, будто бы воды попить, а сам всё смотрел, не повернётся ли Захар, не подымет ли голову, чутко уловив его замыслы. Но тот спал, вздрагивая во сне от беспокойных сновидений.

Тогда Степан тихо подошёл к удивлённо воззрившемуся на него Илие Федотычу, присел рядом на корточки и поманил того, дескать, склонись послушать.

– Ты, Илия Федотыч, не спи. И ребятам своим накажи, коли есть у вас что ценное, берегитесь. Не стану я напраслину наводить – сам ничего не знаю толком, но вот этого человека, которого ты Захаром назвал, я нонче днём на пароме видал – он со мной с уезда прибыл сюда. Не знаю, что он за человек и чем промышляет, а не понравился он мне – уж больно хитро он присматривался к чужой-то поклаже. Может всё это и блажится мне, может это я уж так... пуганая ворона куста боится, а всё же...

– Спаси тебя Бог, Степан, – прошептал в ответ Миронов, – Правильно ты рассудил – сказать мне это. Бережёного-то Бог бережёт. Хоть и не велико наше богатство, а всё же потом заработано, с неба нам не упало! Поди, ложись, тебе ещё долгий путь пешком-то, выспись. Не сумлевайся, не засну, всё постерегу. Да и ружьишко у меня на телеге от такого-то люда припрятано!

Степан лёг на рогожку, примостил свой мешок под голову и накрывшись сермягой закрыл глаза. Хоть непокойно было, а всё же вера этому Миронову крепка была – Степану чего опасаться, у него всего-то и есть что узелок с денежкой в сапоге, а у тех – они с базара не с пустой сумой едут.

Густой словно сметана туман напелзал на берег с глади озера. Заря только занялась на востоке, а Степан открыл глаза, по привычке ожидая звона острожного колокола. Это сколь же он будет привыкать, что не стоит больше строгий смотритель над ним, и можно бы соснуть ещё до рассвета...

Костёр горел справно, тепло разливалось по поляне, отгоняя утреннюю прохладу. У костра на бревне рядом с Мироновым сидел его сын, тот самый юноша, что привёл Степана вчера к ним. В котелке булькала каша, на чистом льняном рушнике крупными ломтями был порезан ржаной каравай.

– Иди, Степан Фёдорович, к нас, к теплу, – позвал Илия Федотыч, – Ты благодетель наш, неведомо, от какой напасти ты нас уберёг. Всю ночь я с этого Захара глаз не спускал, а только и я носом клевать начал, так он и голову поднял. И давай глазами – так и шныряет! Высматривает! А я голову повесил, будто сплю, так он встал и давай у телег ходить. Тут и я поднялся – чего, говорю, доискиваешься, Захарушка? Он глазами забегал, а после посидел-посидел со мной у костра, да и говорит – мне, мол, надо раньше пойти, дела, говорит, просят! Собрал пожитки, и исчез в потёмках, а я остаток ночи с ружьишком своим в обнимку и просидел! Сыновей разбудил, мало ли что! Хорошо, что ты его заметил, да нас предупредил!

Солнце чуть золотило кромку леса, а путники уже собрались в дорогу. Степану в благодарность за дельный совет Миронов отрядил мешок с провизией, и хоть тот брать не хотел за доброе-то дело, разве можно, но Илия Федотыч и слушать не желал отказа.

Распрощавшись с ночной своей компанией, пошёл Степан по дороге меж раскидистых вязов, а подводы Миронова покатались с горки, к реке, где уже шумел на пристани ожидающий паром народ.

Глава 5.

До тракта оставалось Степану ещё довольно далеко, как он сам прикидывал и как наставлял его дед Аким. Вязы и широкие поля сменились невысоким кустарником, сырые овраги и канавы подходили к самой дороге, всё реже попадались по пути деревни. Изредка догоняли Степана едущие скорой рысью крытые повозки, выхоленные лошади которых указывали, что не простой человек пустился в путь, а важная особа. Наверно потому никто и не приметил путника, покрытого пылью и сошедшего к канаве, чтобы пропустить повозку. А может и приметили, да не тот это был человек, чтобы пустить его попутчиком. А Степан всё шел, дорога петляла меж холмов и подлесков, и оказываясь у очередной развилки, Степан всё чаще беспокойно чесал затылок.

«Нехорошие места, – думал усталый путник, – Лес корёженный какой-то, болотом гнилым тянет. Даже ночевать в таком месте боязно, и глядь-поглядь – нигде ни избы, ни шалашика какого нет...»

А между тем ночь приближалась, мягкими крыльями накрыли землю сумерки, с низины сразу же потянуло сыростью. Оглядевшись, не видать ли где какого огонька в оконце, Степан понял, что ночевать ему здесь, в сыром кустарнике.

«Ну да ладно, что теперь, тебе мягкую постелю подавай, – укорял он себя, – Поспишь и так, чай не барин! Надо место для ночлега искать, пока совсем не стемнало!»

Задумался Степан, разводить ли огонь... вроде бы и боязно, а ну какой худой человек на огонёк пожалует. А без огня ещё страшней, и зверя дикого, да и места такие... вон за канавой крест какой-то покосившийся, уже почти до земли скосило, а всё ж стоит... Где-то в лесу за болотом засмеялся и заухал филин, дрожь пробежала по телу Степана, пробрал душу озноб.

Свернул Степан с дороги, пока ещё можно было разглядеть обочину и не попасть в гнилую топь, и стал искать себе укромное местечко. Чтобы и посуше было, и костерок с дороги было не сильно видать.

Такое место нашлось не быстро, Степан уже отчаялся было и хотел лечь у дорожного камня на развилке, как вдруг вышел на сухую полянку, вот у старого пня словно бы и хворост кто-то кучкой сложил, для огня. Зябко поведя плечами, Степан приладил под себя сухое брёвнышко, и достал старое огниво. Это огниво ему Петруша подарил, смотрителя Севостьянова сын... мальчик добрый, приветливый, со Степаном он ладил, и даже раз на Рождество подарил ему печатный пряник со своей ёлки.

Сердце снова зашлось непрошенной тоской, сомнения точили душу – может и зря ушёл... подумаешь, колокола осторожного он испугался, звон его надоел! Зато жил бы сейчас, работу какую справлял на смотрителевом подворье, делал бы по весне ребятишкам качель в саду, играл бы в воскресенье с Петрушей «в казаков»! Было бы кому его на старости и схоронить, а теперь вот кабы не сгинуть тут, в сыром болоте!

Помотал головой Степан, отгоняя от себя тоску, накинул на плечи сермягу и стал смотреть в весело пляшущие языки пламени в небольшом костерке. Есть не хотелось, что-то нехорошее томило душу, а что – одному Богу и известно.

Отломил кусок от каравая, поданного Мироновым, и стал неспешно жевать, ведь есть-то надо, сил ещё сколько понадобится, чтоб до дому добраться.

Треснула сухая ветка под чьей-то осторожной ногой, вздрогнул Степан, аж хлеб вырвал из дрогнувшей руки, и перекрестясь, стал со страхом всматриваться в густую темноту, покрывшую и канаву, и дорогу, и болото... На поляну, щурясь на огонь костра, вышли двое мужиков в зипунах смурного сукна.

– Здоров буди, путник, – сказал кучерявый черноволосый человек, идущий налегке, тогда как у его спутника, явно желающего остаться неузнанным и сторонящегося света костра.

– Здравствуйте, люди добрые, – настороженно глядя на пришлых людей ответил Степан, – Далеко же вы забрались такой-то ночью... Ни луны, ни звёзд Бог не вывел этой ночью на небосвод. Садитесь к огню, угоститесь, чем Бог послал.

Оба путника сели на поваленное бревно, один из них скинул мешок, который подозрительнобрякнул, и когда лицо этого человека оказалось в круге света от огня, Степан безошибочно определил того самого хитроватого Захара, если конечно его на самом деле так звали. Он отвёл главу с сторону и сделал вид, что не узнал Захара, взял в руки палку и стал ворошить в костре хворост, пододвигая его в огонь.

– А ты сам-то, путник, кто таков будешь, как в эти глухие места зашёл? Меня, к примеру, Микитой звать, а это товарищ мой, Захар.

– Степаном меня звать, а иду я на тракт, чтоб до дому добраться, в деревню Сосновку, – нехотя ответил Степан.

– Тю! На тракт! – присвистнул Микита, – Так ты не туды совсем идёшь, тракт-то в другой стороне! Тебе надо было на Поповке свернуть, а ты видать прямо пошёл. Ну, теперь лишних вёрст десять тебе шагать, мил человек.

– Вот спасибо, подсказал, – отозвался Степан, желая быть приветливым с непрошенными гостями, – А то я бы и дальше плутал. То-то я гляжу – ни жилья в округе, ни пешего, ни конного народу нету. А вы как же в такие места забрели, чай, тоже заплутали?

– Нет, не заплутали, – рассмеялся Микита, а сидевший рядом с ним Захар как-то криво и нехорошо усмехнулся, – Мы, можно сказать, тут и живём... недалеко.

– А, так вы тоже не успели до дому засветло! – обрадовался Степан, – Ну, тогда и хорошо! Вместе не так страшно ночь-то коротать! Уж больно места тут... страховитые, вон, слышь, как болото вздыхает, будто зовёт кто-то...

– А, да мы уж такого и не пугаемся, – махнул рукой Микита, – Я, когда в эти места попал, тоже дивился – лес выше неба стоит, болота чуть не до горизонта. Там, где я родился, степи да поля, поля да степи... А вон как вышло, попал сюда, да здесь и остался!

– А как же ты сюда попал? – любопытствовал Степан.

– А так же, как и ты! – расхохотался Микита, – Дело это нехитрое, сюда попасть, а вот обратно вернуться... Вот и я не пошёл, кому я там нужен, любой на меня глаз косить бы стал, а здесь... Я вот на́большим стал, считай, хозяин этих местов.

– Да что ты с ним тут рассусоливать вздумал, – рявкнул вдруг Захар, – Это же он нас этим сдал, которые хороший барыш с ярмарки везли! Я сразу смекнул, когда ихний старшой с ружжом цельную ночь как сыч сидел! Дай я ему пуцу кровушку та!

– Да обожди ты, Захарка, – поморщился Микита, – «Кровушку, кровушку...»! Только это и знаешь! Он, поди уж, и сам понял, что дальше этой топи ему не уйти, страх-то в глазах так и плещет! Чего же не поговорить, пока молодцев ждём. Да и нашего он замеса, мабуть, товарища нового обретём! А ты – кровушку...

Где-то в стороне раздался свист, и Захар, соорудив фигуру из пальцев и вложив её в рот, ответил на него тем же манером. Микита подтянул к себе мешок, сброшенный с плеча Захара, и отвязал бечёвку. Извлёк оттуда кожаную перевязь, на которой висел короткий клинок вшитых ножнах. Отложив её в сторону, он полез глубже в мешок и добыл кошель, звякнувший монетами.

– Ну, говори, сколь тебе надо отсыпать, чтоб душа твоя спокойна была? – спросил Микита, – Мужик ты сильный, здоровый, мне такие молодцы нужны. Денег тебе дам, сколь попросишь, по правую руку от меня сядешь, ни в чём нужды знать не будешь! Опосля Захарко тебе покажет, куда на сохранность можешь своё добро припрятать. А опосля, когда от дел молодецких отойдёшь, будет у тебя и дом справный, и хозяйство большое. Хозяйку молодую в дом приведёшь, сам лично какую хошь тебе сосватаю, хоть бы и знатного рода! Ну, что скажешь, согласен к нам в товарищи пойти?

В это время со стороны дороги затрещали сучья, послышалась брань, и на поляну вышла дюжина мужиков. Только глянув на такую компанию, Степан понял, что живому ему не быть, так и останется он, сгинет в этих страшных местах... Пропадёт, затеряется его след в топком болоте и никто не хватится, где же запропал бывший каторжанин Степан Кузнецов.

– Ха! Тоже, нашёл себе «правую руку», – оскалился Захар, – Гнильё, не человек! Был бы другой, дак тогда бы ещё смекнул, как разжиться деньжатами, когда возле обозников сидел, али на пароме, подле очкастого в клетчатых шароварах! А он пацанёнка кормил, дурень, он дурень и есть!

– Помолчи, Захар, – тихим, но каким-то страшным голосом сказал Микита, – Тебе кто дозволил поперёк меня говорить?! Али позабыл мою науку? Так я и другой раз поучить тебя могу!

Захар смолк, потупившись и нахмутив брови отошёл от Микиты, который теперь стоял перед Степаном, их окружили пришлые молодцы, балагурили и располагались на поляне. Кто-то скидывал свой мешок на сырую от ночной росы траву, кто-то разувал онучи и с наслаждением кряхтел, и все хитро так поглядывали на Степана...

– Ты не серчай, Микита, не знаю, как тебя по отцу-батюшке величать, – тихо проговорил Степан, – А только неподходящий я тебе человек... Не смогу я, ты ведь и сам знаешь! За то, что позвал – благодарствуй, небось и вы не от доброй жизни на то пошли... А только я всего и хочу, что домой вернуться! Может матушка ещё жива, ей на старость утешением да подмогой стать. А ты... с тобой ведь что – прямая дорога обратно! Туда, откуда я только что и вышел, да подальше захотел уйти! Не обессудь за отказ, отпусти меня подобру-поздорову! Никому про тебя не скажу, никому не поведаю, видит Бог, душой не кривлю, это говоря!

– Эх, дурак ты, Степан! – вздохнул Микита, – А ведь я добра тебе желал! Ну, как знай...

Кивнул Микита головой, глянул эдак-то будто с болью и злостью, тут и вспыхнула молния в Степановой голове. Колокольным звоном отозвалась жгучая боль, и повалился он на траву, едва не угодив головою в огонь. Мир погас, тьма разлилась в сознании, и уже не слышал он, как весело загоготал Захар, как басом ему вторил здоровый молодец, который стоял позади Степана, он и исполнил молчаливый приказ Микиты – обухом Степанова же топора, взятого из его мешка, ударил он сидящего перед ним человека.

Глава 6.

Давно погасли уголья в Степановом костре, лихие молодцы разлеглись по поляне на отдых и только громкий храп разгонял налетевшее с болот комарье. А Захар, прозванный Степаном «хитроватым», вместе с тем здоровенным детиной, ударившим Степана, тащили теперь его обмякшее тело к краю чёрного болота.

– Да чего его далече так ворочать! – бурчал детина, – Так и надорваться можно, каждого таскать! Ты, Захарка, давай пособилай, а не рядом иди!

– Тебя, Прошка, спросить забыли, чего делать! – рявкнул на него Захар, – Твоё дело справлять то, что говорят, и рот на замке держать! Думаешь, не знаю я, что ты ко вдовушке в Ярмилино бегаешь? Думаешь, не ведаю, что у ней в хлеву прячешь, да какие разговоры с ней ведёшь? Вот и помолчи, покуда сам цел!

Детина побледнел, это было видно даже в свете неяркой луны, взошедшей по-над лесом. Он крепче взял за безвольное тело человека и потащил его к самой трясине.

Болото жило и наполняло округу своими звуками. Протяжно и тоскливо кричала какая-то птица, странное уханье и бульканье слышалось за поросшими редким кустом кочками.

– Глянь, как проседает под нами, – испуганно сказал Прошка, – Того и гляди сами вместе с им и уйдём в трясины! Давай тут его кинем, он всё одно не жилец, я ему видать башку рассёк, хоть обухом-то всего в полсилы дал!

Захар, который и до слов своего напарника почуял, что под ногами уже нет твёрдой земли, остановился раньше и теперь смотрел вслед Прошке, тянувшему за подмышки бездыханного Степана. Идти дальше в болото было боязно, но и послушаться приказа того, кто назвался Микитой, было ещё страшнее. Перехватив валявшуюся под ногами палку, он пошёл за Прошкой и пробурчал:

– Тяни давай! Вон, до тудова дотянем, там вишь – трясина чёрная, в неё и скинем, ему всяко уж не выбраться! Крепко ты его приложил, а по мне, так ещё бы крепче надо. Не тягали бы его сейчас, там бы и бросили мёртвого!

Прошка тяжело вздохнул, но помня недавние угрозы и зная злой и мстительный характер своего сотоварища, потащил Степана туда, куда указал Захар. В каждый след, оставленный на сыром мху, набиралась черная вонючая вода, и Прошка, задыхаясь от усталости и страха, прохрипел:

– Всё, хорош! Тут кину!

Вздохнуло болото, чавкнула трясина, принимая в свои чёрные объятия живого ещё человека. Закрылась вода над его головой, только тягучие чёрные пузыри поднялись на поверхность.

– А-а-а! – заорал вдруг Прошка, обнаружив, что и он резко ушёл по колено в ряску, – Мама! Мамочка! Захар, тяни!

Дикий ужас искажил его лицо, а Захар, вместо того чтобы протянуть товарищу палку, которую он держал в руках, шарахнулся в сторону. Но после, оправившись и найдя под ногами твёрдую кочку, всё же протянул палку истошно вопящему Прошке, уже по пояс стоявшему в трясине.

В считанные секунды оба они, перепуганные и грязные, оказались уже на краю болота, устало повалившись на твёрдый пригорок, поросший белёсым мхом. Переглянулись, часто дыша, и заспешили скорее уйти из этого страшного места! А болото, потерявшее часть добычи, вдруг завывало, застонало, как человек! Может это им конечно показалось, у страха, как известно, глаза велики, но дёру они оттуда дали такого, что вмиг оказались на поляне у костра.

И никто, кроме болотной птицы и потревоженных лягушек не видел, как разомкнулась чёрная тягучая, вода, и с громким стоном выпростался наверх Степан, вдыхая в лёгкие воздух.

Боль пронзила грудь, её словно разрывало от хлынувшей туда болотной воды, горло словно огнём ожгло, и Степан заходился в протяжном кашле, больше похожем на стоны.

Что-то неодолимое тянуло его обратно, в бездонную чёрную пучину, которая никак не хотела отпускать свою добычу. Но Степану было так страшно, ледяной ужас будто и придал ему силы! Он схватился рукой за острую осоку на ближайшей кочке, рвал её с корнями и из последних сил тянулся на свет, в жизнь. Сознание тухло, лунный лик, заливший болото своим мертвенно-бледным светом, наблюдал за борющимся за жизнь человеком и ничем не мог ему помочь. Осока рвалась, оставаясь в слабеющих кулаках Степана, болото тяжело легло на ноги и тянуло его назад, в топь, обещая скорую смерть и покой.

Но человек боролся! Изю всех сил отгонял от себя накатывающее беспмятство, к горлу подступала тошнота от горького вкуса тины и болотной гнили, он тянул себя, тянул, тянул... Надежда почти угасла, силы иссякли, но оно сдалось... Болото вдруг отпустило человека, чвакнуло, булькнуло позади, засопело и отошло. Степан выбрался на довольно плотное месиво, сплетённое из старой ряски и травы, туда, где ещё совсем недавно оставили свои глубокие, налившиеся чёрной водой следы. Лежал плашмя, сжимая в руках обрывки осоки, и пытался остановить круговерть – голова сильно кружилась, от привкуса тины тошнило. Но собравшись, он пополз, и полз до тех пор, пока не оказался на твёрдом пригорке, чуть в стороне от того места, где недавно валялись перепуганные Захар и Прошка.

«Нельзя тут... они вернуться могут, – думал Степан, ощупывая голову, мокрая и липкая рука была в тине и крови, – Найдут, и уже не жить, церемониться не станут!»

И он полз, с трудом перебирая слабеющими пальцами болотную траву. То и дело свет луны мерк в его глазах, он опускал голову на кочку и проваливался в темноту. Иногда, очнувшись, он видел за деревьями свет костра, или ему это блазнится, тогда он старался унять своё хриплое дыхание, ему казалось, что его слышно на всё болото.

Когда солнечные лучи показались из-за леса, Степан лежал без чувств на берегу небольшого озерца с чистой прохладной водой. Волосы его плескались в воде, переплетаясь с озёрной травой, бледное лицо исказила гримаса боли, над головой по воде расползлось кровавое пятно.

Придя в себя, он с трудом разлепил пересохшие губы, хотел было перевернуться, чувствуя воду рядом с собой, но не смог этого сделать, тело отказывалось слушаться, и тогда Степан понял, что он умирает. Сделав над собой невероятное усилие, он поднял руку и уронил её в воду, а после поднёс к сухим губам. Это принесло ему некоторое облегчение, но даже такое небольшое усилие отняло у него остаток сил и лес над ним словно бы уехал куда-то в бок, а затем весь мир пропал...

В другой раз Степан пришёл в себя на несколько коротких мгновений и понял, что ещё не умер, когда солнце уже стояло высоко над лесом. Он разлепил глаза и подумал, что бредит, потому что ощутил движение, словно бы его куда-то везут, над ним плыли кроны деревьев и белёлые облака в синем небе. Снова погрузившись в небытие, Степан не видел, что и в самом деле едет на прилаженных к оглоблям волокушах из елового лапника, а рыжий лошадиный хвост то и дело метёт по его лицу.

Рядом с рыжей кобылкой шагала преклонных лет женщина, и шагала она такой скорой походкой, что приходилось сомневаться в преклонности её лет. Она то и дело подгоняла лошадь, с беспокойством поглядывая на человека, лежавшего на волокушах и изредка поставляющего на попадающихся по дороге кочках. Не чуял Степан и того, что раненая его голова перевязана чистой тряпичей, под которой была наложена на рану зелёная кашка из какого-то растения. Он пребывал в забытии, разум его витал где-то далеко от этих болот. Он был там, где быстрая и чистая река Козойка прохладными своими струями омывала большие валуны по-за деревней, и мальчишки, приладив к выломанным из кустарника удилищам самодельные крючья, пытались выловить вертлявых и шустрых рыбёшек... А вот и матушка, стоит отвлек-

шись от жатвы с серпом в руках, повязанная по самые глаза белым платком, и из-под руки смотрит на мальчишек...

Между тем рыжая кобылка в сопровождении своей хозяйки отмахала уже довольно длинный путь и взошла на старый бревенчатый мост над мелкой речушкой с коричневатой водой, терпко пахнувшей торфом. Хозяйка ласково поглаживала лошадь и напевала что-то себе под нос, с некоторой опаской поглядывая за кустарник, туда, где расположилась небольшая деревенька Погребцы.

Если бы кто-то увидел бы её сейчас, то сразу бы понял, что она не желает быть обнаруженной, вернее, она не желает, чтобы кто-то увидел, какой груз везёт её Рыжуха. Обычно, возвращаясь этой дорогой, очень редко можно было встретить кого-то из деревенских – в эту сторону люди ходить не любили. Может быть потому, что на холме над речушкой видны были старые, покосившиеся камни – то ли идолы, то ли древний погост. В Погребцах про это место ходили недобрые слухи, издавна это место считали каким-то древним языческим поганищем, потому и обходили его стороной.

Но в тот день всё шло как-то не так, об этом подумала женщина, увидев прямо на поросшей травой дороге мужика на телеге. Он истово подгонял гнедого мерина, стараясь поскорее проехать эти «проклятые места»! Увидев впереди лошадь с хозяйкой, седок привстал было, вглядываясь во встречных.

А женщина тем временем увела свою лошадь в густую высокую траву, словно бы освобождая встречному дорогу, на самом деле она постаралась, чтобы трава скрыла от посторонних глаз её странную «поклажу» с повязкой на голове.

– Бабка Марья, ты что ли? – издали закричал мужик, разглядев встречную из-под мозолистой ладони, приложенной ко лбу козырьком, – Ты это откель вертаешься? И не боязно тебе, место-то какое...

– Место как место, – ворчливо ответила Марья, прозванная в Погребцах Бондарихой по умершему тому лет сорок назад мужу, – Чего его бояться?! А откель вертаюсь, так то моя забота! Езжай куда ехал, да погоняй скорее, как бы тебя черти тут не поймали!

Мужик, доехав уже до бабки Марьи, испуганно и сердито глянул на неё, но мерина своего пришпорил, и вскоре его телега закрипела, забренчала по бревенчатому настилу старого моста, увозя суеверного седока.

Бабка Марья не слышала, как тот пробурчал, проезжая мимо и покосившись на неё:

– У, вот же старая! Недаром говорят, что она ведьма, потому на выселке и живёт!

Глава 7.

Бабка Марья Бондариха жила на выселке верстах в пяти от деревеньки Погребцы. Ей не было и тридцати, когда она овдовела, с той поры осталась она одна на большом подворье мужа, занимавшегося бондарством. Только если раньше ехали на выселок телеги за бочонками и большими кадками, то после смерти мастера дорога туда почти заросла. Сама Марья была родом из Елашихи, которая от Погребцов в тридцати верстах, а в Елашихе про Марьину бабку с почтением и страхом говорили – «она ведаёт». Теперь и Марья ведала травы и коренья, только вот людям помогала с неохотой, зная пересуды о себе в Погребцах. А с «лёгкой руки» отца Игнатия в Погребцах бабку Марью звали ведьмой.

– Ить, оно как? – вопрошал отец Игнатий при любой оказии, – Любая хворь, она что? Она нам во благо дана, дабы душу нашу испытать и излечить! А которые-то ищут спасения от хвори не в молитве истовой, а в бабкиных присловьях! Дело ли это? Нет, не дело!

Жители Погребцов согласно кивали и осуждающе качали головами. До тех пор, пока какая-нибудь хворь не приключалась у самих, или родных, вот уж тогда как-то забывались проповеди отца Игнатия, суетливо собирался узелок с подношением и опасливо озираясь пробирался кто-то по-за околицей на старую дорогу, ведущую на выселок.

Особенно не любил отец Игнатий, когда вопреки всему, при помощи бабки Марьи появлялся на свет младенец, который и родиться-то должным образом не мог... Потому как на всё воля Божья, твердил он матери и родне, которые приносили ему такого младенца крестить.

– Не приняли вы волю Господа, прибегли к помощи богопротивной, можно ли мне совершить крещение... не ведаю я того! – возведя глаза к образам, говорил отец Игнатий.

Только однажды не заметил он, что в Крещальню пришла сама бабка Марья и стоит тихонько у двери. А когда начал он свою «отповедь» чудом выжившей роженице, с испугом смотрящей то на него, то на своё дитя, тут и подала Бондариха голос:

– Ежели на всё воля Божья, что несомненно так и есть, так не Его ли волей оказалась я у них в избе, не Его ли велением смогла спасти младенца? Без веления Божия ничего на земле не творится, али ты, батюшка, в том имеешь сомнение? Молиться тебе нужно... и я о тебе помолюсь!

С той поры отец Игнатий хоть и поджимал недовольно губы при таком случае, хоть и сердился ещё больше, когда видел, что бабка Марья сама явилась в храм на службу и стоит у самого притвора, но младенцев крестил непрекословно и поумерил свои осуждения тех, кто обращался с нуждами своими к Бондарихе.

Только единожды упрекнул он Марью, что на исповедь к нему не является:

– Видать потому ты, Марья, и схоронила своих-то родных деточек во младенчестве, – сказал ей тогда отец Игнатий, – Гордыня тебя обуяла, чужих-то детей спасаешь... а своих детей и мужа схоронила. Исповедуйся да покайся, покудова не поздно, душе твоей облегчение выйдет!

Ничего не ответила ему тогда Марья, посмотрела только, словно в душу его заглянула. Усмехнулась чуть, да и ушла. Больше не ездила в Погребцы на службу, поговаривают, что иной раз в родной Елашихе в церкви видали её, да то отцу Игнатию было неинтересно.

Так и жила она своим мирком на выселке, который вслед за ней стали звать Бондарихиным. За последние годы стала бабка Марья чутать слабость, вроде бы и голова светла, и руки сноровисты, а сил будто поубавил кто... Но всё равно гнала от себя такие мысли, и чуть свет шла в лес или на луг, или на болото, собрать нужные травки и корешки, тогда будто и ей силы прибавлялось.

Вот и в то утро, проснувшись ещё до свету, наладила она Рыжуху и собралась поехать до дальнего лужка, по-над болотом, глянуть, можно ли нынче будет добраться туда на сенокос, да поглядеть, не разошлась ли уже «птичья трава».

Лёгкая телега, сработанная ещё мужем Марьи специально для неё, подпрыгивая катилась по лесной старой дороге, солнце уже начало припекать спину, когда она наконец добралась до места. Привязав Рыжуху у пышного куста, она оставила её объедать сочные листья, а сама отправилась на приметную полянку у болота.

Пока шла, наткнулась на покинутое совсем недавно костровище, уголья подёрнулись золой, но ещё чуть тлели. Нахмурилась бабка Марья, дрожь прошла по спине... ой и худые люди ночевали здесь ночь, потому что от костровища в лес уходила дорожка из смятой травы и мха, по ней явно тащили бездыханное тело... у самого костровища и вовсе виднелись капли крови на сизом мху.

«Опять они, – покачала головой Бондариха, – Микита-Кутерьма и его робяты, больше некому! У, душегубцы, нет же на них управы никакой! Пособляют они, больше некому, путникам пропасть в наших краях, ох, глубоко чёрное болото, сколько ещё душ примет без покаяния!»

Хоть и жила бабка Марья на выселке, а про ватагу бывшего каторжника, прозванного Микитой-Кутерьмой слышала! Болтали разное, конечно, поди разбери, где правда, но то и дело сама она, ходивши по лесу, натыкалась на страшные следы...

Велика ли была их добыча, неведомо, но как-то этот Микита угадывал, что именного этого путника доискаться будет некому, и так тихо обстрепывал свои тёмные делишки, что в земской управе только рукой отмахивались – какой-такой Микита, какой ещё Кутерьма, не слыхивали, да и пострадавших нет, не идут жаловаться, а то, что народ придумал – так то байки!

А как им, пострадавшим, прийти с жалобой, коли приняло их бездонное чёрное болото... приняло, и уже не отпустит никогда. Так и гуляли по округе, промышляя наживу, молодцы Микиты-Кутерьмы.

Увидев такую картину, хотела было бабка Марья поскорее уйти, вон, костровище ещё живо, а ну как вернутся?! Но ноги будто сами понесли, ведь полянка с «птичьей травой» вовсе недалеко, а потом, по неглубокому овражку от озера она вернётся к своей Рыжухе, никто и не приметит... зря что ли добиралась в эту даль!

С опаской оглядевшись, пошла бабка Марья, прячась за кустами и подъяльником, но тихо было в лесу, птичий гомон только говорил о том, что живёт лес своей жизнью и не ведает ничего о Миките и его ребятах.

Полянка желтым-желто цвела, входила в силу «птичья трава», и уже собралась было бабка Марья вертаться, как услышала тяжёлый вздох и замерла. Болото что ли пытит, гнала она от себя мысль, что это может быть человек, но уже не уйти, а ну как живая душа...

Она осторожно развела в стороны широкие еловые лапы, скрывающие от неё бережок небольшого озера, и вздрогнула всем телом. На берегу, весь в засохшей чёрной болотной грязи лежал человек. Голова его была запрокинута, вода омывала его затылок, грудь тяжело и мерно вздымалась – человек дышал.

Оглядевшись, Марья прислушалась – нет ли кого поблизости и только после того вышла из укрытия под елями. Мох и трава на берегу были примяты и вымазаны болотной грязью, Марья поняла, что человек полз сюда к озеру цепляясь за землю руками.

«Изверги! Душегубцы! – думала бабка Марья, спеша обратно к своей Рыжухе, – Это как же, такое учинить, живьём человека в болото... Ох, ох, чует сердце, недобром это кончится!»

Как бы ни думалось, что аукнется ей таковое доброе деяние и поплатится она за спасение, вдруг он один из этих... а всё же не бросать теперь его тут. Распрягла она свою Рыжуху, с сожалением оставив под кустом свою телегу, чтобы вернуться за ней после, и начала ладить на

оглобли еловые волокуши. Что поделать, сил на то, чтобы поднять такого крепкого сложением человека на телегу у неё нет, на лапник бы хоть затащить, и то...

Откуда ни есть, а силы нашлись, и зашагала Рыжуха вдоль овражка, таща за собой стонущего от боли человека.

В другой раз Степан пришёл в себя, когда кругом было темно. Разлепив глаза, он почувствовал, как снова накатывает муть, и темнота кружится перед глазами. Зажмурившись, он вздохнул и попытался провести рукой подле себя. Понял, что лежит он на тюфяке, набитом душистыми травами, пахло резко и терпко, но приятно. Где-то вдалеке слышался голос выпивши, и поведя глазами, привыкшие к темноте глаза Степана разглядели растворенное настежь небольшое оконце, придёрнутое колышущейся на лёгком ветру занавеской. Он понял, что лежит то ли в клетке, то ли в чулане, потому что по стенам были развешаны пучки трав и какие-то мешочки.

Степан с трудом поднял руку и попытался ощупать голову, она не почти болела, только во всём теле была сильная слабость и потому каждое движение давалось ему с трудом. Поняв, что голова его так же перемотана, он даже не стал пытаться встать, так и лежал, накрытый льняным покрывалом. Решив, что дождётся утра и обязательно увидит своего спасителя и благодетеля, избавившего его от неминуемой гибели там, у болот.

Но когда заря уже разлилась по небосводу, украсив нежным малиновым светом верхушки сосен, Степан уже спал. Глаза сами сомкнулись, сон пришёл, целительный и сладкий, и теперь он не был похож на горячечный бред умирающего человека. Таким его и нашла бабка Марья, вошедшая утром в клетку поглядеть на своего невольного постояльца.

Положив свою тёплую сухую ладонь ему на чело, она одобрительно покачала головой, после налила воды в стоявший рядом с больным деревянный ковш, ручка которого была искусно украшена фигуркой медведя, и пошла на двор заниматься своими делами.

Идет на поправку её невольный постоялец, думала бабка Марья, и от того ей было немного боязно... ведь до сей поры она не знала, кто же он таков... откуда взялся этот пришлый человек. Уж она-то на своём веку народу всякого-разного повидала. И вот таких, как тот, что лежит теперь в клетке, тоже... не один год положив на каторжный труд в расплату за содеянное ими зло, они были обижены на целый свет. Потому и сбивались в стаи, подобные волчьим, чтобы отомстить всему миру за свою ошибку, за порушенную своими же руками судьбу.

И теперь Марью одолевала сомнения... вроде бы жизнь человеку спасла, дело благое сделала! А стоила ли эта жизнь спасения, коли Господь привёл этого человека туда, на болото, к костровищу, у которого собирались сотоварищи Микиты-Кутерьмы... может, и он сам не одну безвинную душу загубил!

Качала головой Мария, орудуя тяткой на грядке, хмурила брови и обращала к небу вопрошительный взгляд. Но молчало небо, видать не было и у него ответов на её вопросы.

Решив, что и её на болото привел Бог не просто так, а чтобы спасти этого человека, Марья всё же на всякий случай положила себе в карман фартука небольшой мужнин «богородский» ножик... он им медвежат да зайцев из липы для ребятишек резал. А теперь вот и Марье в помощь, коли придётся, не приведи Господь!

Вот очнётся её постоялец, тогда и решит Марья, что с ним дальше делать. Может и свезёт обратно на болото его, разбойника...

Глава 8.

Проспав, а сколько и сам Степан не ведал, проснулся он на рассвете со светлой лёгкой головой. Заслышав, что хозяйка во дворе покрикивает на скотину, он приподнял голову. Голова не кружилась, только казалась тяжёлой, руки-ноги плохо слушались его, и он ощутил просто зверский голод, живот подвело так, что было больно.

Свесив ноги с топчана, на котором он лежал, Степан посидел чуток, прислушиваясь к себе. Не хватало ещё встать, да и упасть тут, новых хлопот по уходу за ним хозяйке с хозяином принести. Было страшновато подниматься на ноги, он оперся на топчан и немного постоял, привыкая к чуть покачивающемуся под ногами полу.

Оглядев себя, Степан увидел, что одет он в чистое исподнее, висящее на нём, как на жерди. Тот, кому принадлежало бельё либо был гораздо крупнее Степана, либо сам Степан так исхудал за эти дни... Сколько дней он лежал? Степану думалось – наверное пару дней он в забытии был, спасибо доброму человеку, кто о нём заботился. Куда же он попал, в чей двор?

Придерживаясь за стену, Степан медленно двинулся к приоткрытой двери, ноги шли, словно деревянные, он с трудом переставлял их, но хоть пол перестал под ним качаться. Степан часто дышал, пройдя несколько шагов он устало остановился перевести дух.

Когда он появился во дворе, то защурил глаза от света, и не видел, как настороженно смотрит на него пожилая женщина, стоявшая у хлева с вилами в руках.

– Ну, добрый человек, гляжу, Господь тебя миловал, на белый свет дозволил глядеть, – сказала бабка Марья, отставив вилы в сторону, – Токма ты не спеши ходить-то, надо помаленьку, кабы снова худо тебе не стало. Идём-кась в дом, накормлю тебя чем Бог послал.

– Здравствуй, матушка, – тяжело дыша от слабости ответил Степан, – Дозволь сперва тебе поклон земной отдать, ты меня от смерти спасла да выходила?

– Опосля станешь кланяться, – строго сказала бабка Марья, – Не для того я с тобой столь ночей не спала, чтобы тут на крыльце помер. Ступай в дом, вон туда, да садись, а то повалился тут, не дотащу тебя снова-то.

Степан послушно повернулся и держась за широкие перила пошёл на крыльцо, куда указала хозяйка. Оказавшись в просторных сенях, Степан без сил опустился на коротенькую лавку, стоявшую у стены. Когда перед глазами перестали мелькать серые «мошки» он оглядел сени и от изумления даже привстал.

Чудесная резьба украшала и притолоку над дверью, и наличники небольшого оконца в сенях, выходящего на двор. На широкой скамье возле двери стояли две корзины, сплетённые причудливым способом, рядом с ними на небольшом бочонке висели резные ковшечки. Степан не мог отвести взор от такой тонкой работы, и даже позабыл наказ хозяйки идти в дом. А когда опомнился и вошёл, то обомлел ещё сильнее. Вся изба была словно сказочный терем, о которых маленькому Степану рассказывала старая бабушка, когда жива была. Так он себе представлял царские хоромы...

Полати над печью были закрыты резными дверцами, с которых на Степана смотрел зимний лес, и домики вдалеке... а вот лиса бежит, оставляя тонкий след на снегу, а там, вдалеке, видны купола церкви...

«Это что же за мастер такое умеет, – думал Степан, едва придя в себя от такой красоты, – Вот бы мне Господь такое умение дал... это же надо, как искусно сработано...»

– Вот и ладно, – вытирая руки в дом вошла бабка Марья, – Как тебя звать, человеке добрый?

– Степан Фёдорович, Кузнецов, – отозвался немного испуганный строгим голосом и взором хозяйки Степан, – Я, матушка... не разбойник какой, не думай!

– Опосля о себе поведаешь, Степан Фёдорович, – прервала его хозяйка, – Вот, бери рушник, да поди омойся немного, вода в бочке согрелась. Потом обедать станем, тебе надо сил набираться. А завтра, коли всё ладно будет, баньку тебе подтоплю, нежарко, отмоешься маленько. Рубаха чистая вот, оболочись.

Степан послушно взял, что дала хозяйка и вышел во двор. За клетью, где он лежал то время, покуда болел, стояла большая кадка, крепко сработанная, наверное, тем же мастером, что и дом такой справил, думал Степан, омываясь прохладной водой. Сил от этого словно бы и прибавилось, захотелось есть. Степан плескал на себя воду и поражался своей худобе – это же сколько он болел? Руки стали так тонки, живот вовсе подвело, что рёбра наружу торчали, хоть колотухой по ним музыку играй!

Пригладив отросшие волосы, Степан нащупал заживающий рубец на голове, он не болел, только его и выдавали, что остриженные кругом него волосы, они иголками кололи пальцы.

Вернулся Степан в дом, когда хозяйка уже накрыла на стол – чугунок стоял на припечке и от него по всему дому разносился дух наваристых щей. На покрытом вышитой скатертью столе нарезан каравай, сметана в глиняном горшочке, повязанном тряпицей – у Степана громко заурчало в животе.

Он перекрестился на образа, где тускло горела серебряная лампадка, а после в ноги поклонился стоявшей у стола хозяйке:

– Благодарствуй, матушка, за заботу да ласку. Скажи, как же тебя, мою благодетельницу величать?

– Марья Тимофеевна я, – степенно кивнула хозяйка, – Садись за стол, Степан Фёдорович, отобедай. А уж потом и чай соберу, тогда и о себе всё поведаешь.

Степан взял ложку и вдохнул сытный аромат, благодать так и полилась в него вместе с наваристым супом. Ел он медленно, понимая, что если лишнего перебрать, после будет худо. Он так по-первой, когда только попал на работы в подворье смотрителя Севостьянова и давно не евши нормальной еды, каши с маслом наелся. После острожных-то харчей ох и худо же ему было...

Отобедавши, Марья Тимофеевна приказала Степану лечь на лавку, накрыла его рогожей, а сама стала налаживать самовар.

– Ну, покуда самовар ладится, расскажи, Степан Фёдорович, кто ты таков, откуда будешь, и как в наши места попал.

Степан подробно и без утайки рассказал всё о себе, и как попал в эти края, и весь его только недавно начавшийся обратный путь... который теперь прервался, если и вовсе не закончился. Потому что теперь, лёжа на лавке, Степан снова ощутил, как качается под ним пол.

– А я было испугалась, что ты из этих... кто с Микитой тут по болотам шастает, да людям покоя не даёт, – в голосе хозяйки слышалось облегчение, – Ты не тужи, Степанушко, вот оправися, и пойдёшь домой, в родную сторонushку.

– Благодарствуй, матушка. Не на что мне теперь в дорогу-то пускаться, – грустно ответил Степан, – Сколько собрал я денег, всё эти душегубцы уволокли! А пуще того мне топора своего жалко! Новый, хороший! Токма купил на ярмарке, увели же, ироды! С им-то я, может, как-то бы и заработал ещё себе на путь-дорогу... Кабы смог...

– Смогёшь, не тужи! – отозвалась хозяйка, – Только быстро не собирайся, покуда не оправися я тебя не отпущу. Поживёшь у меня, сколь-то мне поможешь в хозяйстве, а где и в люди поработаешь! За струмент не горюй, от мужа моего покойного, Ивана Михеевича, много его осталось. Мой-то век уже недолог, вот и отдам тебе, коли руки твои просят, пусть добром тебе послужат. А пока надо тебе, Степан, сил набираться. То, что ты жив остался, так то только Божиим велением, я думала – покойника с болот-то довезу. А ты крепок и телом, и духом, да и есть на тебя видать какой Божий промысел!

– А Расскажи, матушка, кто таков этот Микита-Кутерьма, откудава такой взялся, неужто такое человек может творить... Я хоть и провёл в остроге годов немало, а там все говорили, что безвинно здесь оказались... Неужто и такой, как этот Микита... тоже поди стал бы говорить, что он безвинный да судьбой обиженный...

Бабка Марья взяла в руки иглу и шитьё, села поближе к оконцу, чтобы видно было пыхтящий на дворе самовар и начала свой рассказ.

Откудава такой тать взялся, кто ж то ведаёт. А только места здесь глухие, до Бога высоко, до царя далёко. Поговаривали, что иной раз Микита с робятами и на тракте озорует, а после в болотах прячется – поди отыщи! Тут и местные-то ходить по топям опасаются, чуть оступись и уже не выберешься! Берёт болото своё, обратно редко отпускает!

Было о прошлом годе, когда мужики тутошние собрались было Микиту изловить, когда он купца одного с Барановки ограбил. А тот шибко обиделся, да и добра уворованного дюже было жаль, снарядил мужиков, кто пожелал, награду им щедрую посулил. Ну что, пошли бродить, человек может с десятка, а вернулось четверо. Три недели по болотам их мотало, там да тут показался им Микита, хитрый бес, лукавый! Покажется, да и нет его – как сквозь землю провалился! Как уж он так по болотам нашим ходит, как не топнет... А наших-то трое в болоте сгинули, двое пропали, одному Богу известно, где головушки свои сложили. А один в капкан попал медвежий, как уж так вышло, поди знай! Пока его до деревни несли – помер, Царствие им всем Небесное!

Ходили в село, уряднику жаловаться, а как же! Ну, тот усами повертел, поворчал, чего-то там записал, да и отправил народ восвояси. Посулил разобраться, да может позабыл, а может и не хотел.

Ну и отступились все, теперь мужики гуртом собираются, ежели на ярмарку едут, по одному-по двое не ходят. Иной раз и на покос большой ватагой. Вот такая жисть, что сказать!

Мерно текла Марьяна речь, слушал Степан, и на сытый желудок сам не заметил, как сморил его сон. Снились ему огни на болотах, и будто снова щурится на него хитроватый Захар, и нависает над ним здоровенный детина! А Микита, прозванный Кутерьмой, сидит у огня да поигрывает новеньким Степановым топором.

Глава 9.

Не думал Степан, когда в путь-дорогу отправлялся, что придётся ему так надолго в пути задержаться. Ведь к середине лета уже думал оказаться в родной Сосновке. А вон как всё получилось! Сил у него не было путь свой долгий продолжать, да и денег на дорогу теперь не было.

Спасибо вот Марье Тимофеевне, что приютила, кров дала, подлечила да оставила у себя, покудова пожить. Так и остался Степан на её подворье, старался не лежать, помогать хозяйке, чем только мог. Воды да дров принести, да и горшки в печь наладить – матушка с отцом его всему обучили, ведь незнамо, как к тебе жизнь повернёт.

К сенокосу Степан уже достаточно окреп и стал убеждать Марью Тимофеевну, что в силах ехать с ней на дальние лужки на покос. Бабка Марья с сомнением смотрела в лицо своего постояльца, на тёмные кругиу Степановых глаз, на бледность кожи и худобу. Ведь почитай три недели в бессознании пролежал, какой ему покос.

– Матушка, не сумлевайся, – глядел на неё Степан, – Я буду делать всё, как ты скажешь. Велишь отдыхать – косу отложу, а ведь сколь-то накошу!

– Ладно! – махнула рукой бабка Марья на настырного своего постояльца, – Но гляди, меня слушаться! А не то, ежели тебе худо станет, я тебя доктору в село сдам, пушай он тебя залечит до синевы, как нашего деревенского блаженного!

– Согласен, – рассмеялся Степан, – Сдавай, ежели слушаться не стану!

Бабка Марья и сама рассмеялась, да пошла собирать обед на покос. Сперва она собиралась отправиться сама, как делала это раньше, но в этот раз она могла оставить Степана на хозяйстве и остаться на дальнем лужку с ночевой, но вон как просится... Скотину не на кого оставить, придётся к ночи вертаться назад, ничего не поделаешь. Ну, оно может и к лучшему, вон говорят, снова лихо озорует по округе...

Так и повелось у них, с каждым днём силы к Степану возвращались, и сидевшая на крыльчке бабка Марья радовалась, как справно он управляется. А ведь думала тогда, что не выходит его... Ну да Бог дал! Теперь вот и за травами в лес Степана звала, показывала, от чего какая травка да какой корешок помогает, когда собирать да как сохранять.

Борта в лесу блюли тоже вместе, чтобы хозяин косолапый медок не шибко таскал, этому Степана ещё дед научил, так что здесь он Марье хороший помощник был. А то и веники для бани ехали говорить, вдвоём-то много навязали, можно сколь-то и на ярмарку свезти по осени. Там городские приезжают, у их там бани другие, не как в деревне, вот туда и берут – веники да мочало местное.

К осени Степан задумался о том, что надо бы как-то и дальше в дорогу собираться, да вот только не знал, как про то сказать Марье Тимофеевне... да и откуда деньги взять на дорогу, одежду собрать, да скарб какой в путь неблизкий. Из своих-то вещей у него всего и осталось, что старое огниво, подаренное смотрителевым сыном Петрушей. Оно осталось лежать в кармане, когда разбойники бросили его в болото, вот теперь только оно и напоминало Степану о прошлой его жизни... Казалось, что давно это было, давно...

Бабка Марья и сама понимала, как ни брала её за душу тоска, что Степану охота продолжить путь домой, куда направлялся. Деньги у неё были, но она знала – не возьмёт Степан, не примет такую помощь. Вон как на хозяйстве старается, ни минуты не присядет. Стала бабка думать, как же помочь ему, ведь хороший мужик, чего ему тут на хуторе пропадать!

– Зерно надо брать на зиму, – сказала она как-то вечером Степану, – На ярмарку в село поедем, тебя с собой позову, поедешь? Да продать кой-чего можно, нам-то куда столько. С тобой мы хорошо запаса на зиму сделали, Стёпушка.

– Поеду, матушка, отчего не поехать, – отозвался Степан сидя на корточках и рассматривая резные обрамки комода.

Он каждый вечер, когда бабка Марья садилась за шитьё, брал в руки лучину и рассматривал волшебные узоры на полатях и наличниках. Глядя на его интерес, достала бабка Марья кожух из матёрой кожи и развернула его на столе. У Степана аж сердце зашлось от такого великолепия – вшитых кожаных кармашках был разложен инструмент. Ножи, ножички и диковинные заточенные загогулины, какие Степан видал впервые в своей жизни.

– Вот, это моего мужа струмент, им он дерево резал, – Марья Тимофеевна любовно погладила кожух, – Что-то купил, что сам придумал да заказывал в городе мастеру, а вот эти, вишь, с витыми-то ручками, ему барин один уездный с самой неметчины заказывал. Барин-то ехал куды-то через наши края, я ещё тогда молодая была, только и вышла за Ивана, а у нас на двор такая бричка диковинная прикатила с важным господином. Приветили гостя как полагается, а он и говорит – видал работы, искал того мастера, что сработал, в селе указали на тебя, Иван Михеевич. Ну вот, и позвал Ивана в работы к себе, надо было ему летнюю дачу изукрасить. Иван поехал, сработал ему, что нужно, барин тогда плату щедрую дал, а через полгода еще и струмент с посыльным прислал в подарок. И книжицу ещё, погоди, сейчас достану.

Степан по одному доставал отточенные умелой рукой инструменты, осматривал, пробовал кончиком пальца. Хотелось опробовать в деле, но он не знал, можно ли...

Меж тем бабка Марья растворила сундук и достала обёрнутую вышитым рушником книжицу. Работы она была тонкой, дорогой, и кожа и переплёт были сработаны искусным образом, Степан такого даже и не видал никогда... Хотя нет, видал! У старой матушки осторожного смотрителя Севостьянова была такая книжица – Святое Писание. Она его часто читала, сидя в саду.

– Вот, погляди, – Марья Тимофеевна положила книжицу перед Степаном, – Тут работа описана, как резать, какие узоры делать, и про древесину, и про струмент. А вот тут, гляди, позади-то книжицы – чистые листы были, так вот на их Иван сам писал. Что отметить хотел, какие секреты сам знал. Бери. Это теперь твоё – и струмент, и книжица.

– Матушка, да как же?! – у Степана ажно сердце зашлось, – Как же – так вот и отдашь? Ведь память какая тебе о муже...

– То и дело, что память, – чуть нахмурившись ответила Марья, – А что от памяти толку, когда она в сундуке заперта? У нас в семье никому не к душе такое ремесло. Пусть доброму человеку в пользу будет. Научишься, станешь сам резать, я гляжу, интерес у тебя есть, и сноровка. Осталось только струментом овладеть. Ты, Стёпушка, вот что... в дорогу-то не спеши, слаб ты ещё, да и молодцы лихие озоруют. Вот уж и осень, распутица начнётся, в экую погоду и здоровому-то человеку тяжко дорогу такую одолеть, а уж тебе... Вот переживаешь, там уж по-суху и отправисся, соберу тебя в дорогу.

Подумал Степан, права Марья Тимофеевна, ему сейчас не уйти далече, да и не в чем, и не с чем, вот ведь какая оказия! А за зиму... может кому в работу пойдёт, двор заготовить, али сработать что по плотницкому-то делу. Хоть чуть денег заработать, на что в дорогу отправляться!

– Благодарствуй, матушка, что не гонишь, – кивнул Степан, – Сделаю, как сказываешь. Вот и тебе чем подмогну, зиму-то зимовать.

Осень хорошая выдалась в том годе, Степану нравился и лёгкий морозец, который быстро сковал сырую грязь, распутица была недолго. А вот в его родной-то Сосновке и до самого Покровá по дороге не проехать бывает, а то и дольше!

Через три дня они с Марьей Тимофеевной собрались на ярмарку ехать, ему было почему-то немного боязно покидать двор... и ехать мимо болот, мимо той страшной топи...

– Стёпушка, – позвала бабка Марья, только вернувшись с Погребцов, – Поди сюда, родимый, чего скажу. В Погребцы поезжай, коли силы в себе чувствуешь. Там у Настасьи Крупиной на

дворе надо кой-чего сработать по плотничьему-то делу. Звала она Семёна Головина, да тот прихворал спиной, вот она мне и пожалилась, что хлев «садится», да в амбаре там есть поломка, короб надо исправить опять же. За работу она заплатит, сколь скажешь, вот тебе и начало будет – отложишь на путь-то себе. Там в сарае струмент какой надо бери, Рыжуху запряги и поезжай. До вечера управися да и домой.

– Благодарствуй, матушка! – обрадовался Степан и поспешил собрать в ящик инструменты.

Степан погонял Рыжуху и ехал по тряской полужаросшей дороге до Погребцов. Осенний прохладный воздух терпко пах опавшей листвой, мхом и грибами. Утренний заморозок чуть попустил, Степан глядел на укутанное плотным одеялом серых облаков небо и думал, кабы дождя не случилось. Закутавшись в зипун Ивана Михеевича, чуть перешитый на Степана Марьей Тимофеевной, путник оглядывал кусты калины, окропленные ягодами, словно каплями крови и вспоминал, что сказала ему Марья Тимофеевна:

– Настасья-то Крупина, вдовая она. Муж лет пять как помер, захворал шибко, охотник был, да и застыл как-то в лесу видать. Вот и не оправился, прибрал Господь. А Настасья одна с четырьмя ребятами осталась, мал мала меньше, а бабе одной как со всем управиться? Хоть муж и оставил ей хорошее хозяйство, справное, дак и за ним поди догляд нужен. Вот я ей и сказала про тебя, подсобить можешь, коли надобно. Она и позвала.

– Матушка, дак что же, мне у вдовы с малыми детками совестно деньги за работу-то брать! – покачал головой Степан, – Давай я ей помогу, не надо мне плату-то... А она знает, Настасья-то, что я... что я с каторги сюда попал? Не боится во двор-то пущать?

– Свёкор ей хорошо помогает, не тужи, – ответила Марья, – Ты много и не проси, сколь сама даст – то и ладно, ежели уж так тебе совестно. А ведь, Стёпушка, немного то и можно взять. А про каторгу... она не спрашивала, кто ты таков, а я не говорила. Вот и ты – работу справляй, да и молчи.

– Таких как я сразу видать, – покачал головой Степан, – Сама распознает. Ну да ладно, как будет, тому и быть.

Вот и решил Степан, погоняя послушную Рыжуху, что ежели увидит нужду у хозяйки да её ребяток – плату никакую не возьмёт. Хоть и нужны ему были деньги, а всё же не от малых ребят отрывать!

Глава 10.

Проезжая по улицам Погребцов, Степан старался не смотреть на встречающих прохожих, с любопытством его оглядывающих. Рыжуху тут знали, а вот седока... потому и разглядывали теперь незнакомого бородатого мужика.

Двор Настасьи Крупиной не выглядел, как покинутое хозяйской рукою подворье, крепкий добротный дом и постройки говорили о том, что бабка Марья правду говорила – хозяин оставил семью с крепким хозяйством, а хозяйка имела силы и сноровку его не запустить.

– Хозяйка, дома ли? – крикнул Степан, стукнув в калитку.

– Дома, дома! – отозвался откуда-то со двора женский голос и вскоре заскрипели ворота.

Хозяйка дома отворила створки крепких ворот и пустила во двор Рыжуху, тут же подбежал мальчик лет восьми и принял лошадь у Степана.

– Марья Тимофеевна сказывала, что тут работу справить надобно, – сказал Степан хозяйке, – У меня и инструмент с собой, покажи, хозяйка, что надо.

– Да что, знамо дело, бабе одной-то без мужских рук в хозяйстве тяжело, ответила хозяйка, – Если поправить, в амбаре короба развалились, ну и ещё, по мелочи. Тебя Степаном звать-то, мастер?

– Степаном, – кивнул Степан и подмигнул мальчишке, который выглядел на него из-за телеги, тот испуганно ойкнул и убежал в дом.

– А меня Настасьей Никифоровной зовут. Ну, пойдём, покажу работу.

Степан стеснялся смотреть на хозяйку, которая насмешливо улыбалась, и сама не смущаясь разглядывала гостя. Была она молода и румяна, черные волосы выбились из-под платка, улыбалась приятной улыбкой чем немало смущала Степана.

Работы оказалось немного, Степан управился довольно быстро, к тому же хозяйка давно заготовила и новые доски на короба. То и дело в амбар укрдкой заглядывали любопытные детские глазёнки, пока строгий окрик матери не гнал мальцов с поручением. Как и говорила Марья Тимофеевна, у Настасьи ребятишек было четверо, старшему мальчонке Егорке было лет восемь-девять, двое его братьев недалеко от него отстали, а младшей девочке было лет пять. Закончив в яслях, Степан подобрал бросовую деревяшку и скоренько выстругал ножиком маленького коника, положив его к себе в карман. После, когда снова сел передохнуть, сострогал ещё собачку и медвежонка, а потом и куколку в долгом сарафане. Положив на скамью под окнами игрушки, он пошёл докладывать хозяйке, что работы окончены.

– Благодарствуй, Степан, – степенно сказала Настасья, – Руки у тебя мастеровитые, всё ладно сделал, – она протянула Степану узелок, – Вот, не побрезгай гостинцем, бабке Марье от меня поклон передай.

Вручив Степану деньги за работу, оговоренные ещё утром, Настасья чуть зарделась, когда Степан вернул ей монету со словами:

– Купи, хозяйка, ребятишкам от меня гостинцев, какой они сами любят! Спасибо тебе, Настасья Никифоровна, ежели ещё какая помощь нужна будет – зови, пособлю, чем смогу.

Ранние осенние сумерки уже заиграли над лесом, когда Степан вывел со двора Крупиных Рыжуху и направился в сторону Бондарихина выселка. В соседнем с Настасьиным дворе у калитки стояла старуха с клюкой и недовольно жуя пустым ртом глядела на Степана.

– Что, бабка-то Бондариха жива, али неможется ей? – спросила она идущего рядом с Рыжухой Степана, – Ты кто таков и чего приехал?

– Здравствуй, бабушка, – вежливо отозвался Степан, что ж поделаешь со старостью, – Марья Тимофеевна в добром здравии, слава Богу. А я по делу приезжал, Степаном Кузнецовым зовусь.

– Ишь ты! «Марья Тимофеевна»! – проворчала старуха, – Отец Игнатий вот на её наложит епитимью за ведовство, а то и чего похуже!

Степан не стал слушать старухино ворчанье, запрыгнул в лёгкую телегу и пустил Рыжуху рысью. До темна охота было дома оказаться, страшили Степана места глухие, болота да тёмный ельник... так и казалось, что за каждым кустом чужие злые глаза за ним наблюдали! Степан мотал головой, отгоняя такие мысли, что же, засиделся он на высылке, в люди стало боязно выходить – то не дело! Надобно такие думы прогнать из головы, вон, и бабы глядишь за клюквой ходили, и мужики... а он боится, слыханное ли дело! А всё же подгонял Рыжуху, которая и сама хотела поскорее оказаться дома.

К вечеру подморозило, и телега легко катилась по примёрзшей дорожной колее, и вскоре Степан увидел зажжённый Марьей Тимофеевной фонарь над воротами. И стало тепло на душе – ждёт его названная матушка, от смерти безвременной спасшая...

– Ну что, Стёпушка, притомился? – Марья встретила его у ворот, издалека слышав путника, – Много работы Настасья-то дала?

– Нет, не много, быстро управился. Вот, тебе гостинец передала и велела кланяться.

– Я ей сказала, Настасье-то, что ты сродник мой, с далека приехал. Вот и ты про себя шибко много не сказывай. Люди теперь всего боятся, злые стали. Ну, поди умойся, да станем вечерять!

Степан повёл Рыжуху в стойло, подкинув свежего сенца и сыпанув овса. Хороша лошадка, послушная и резвая, похлопал Степан кобылку по крупу, быстро его до дому довезла. Вон, месяц только народился на небе, а за лесом затухает вечерняя заря.

– Ты, Стёпушка, фонарь у ворот потуши, – сказала бабка Марья, – Ни к чему нам... гости ночные, а свои все дома! Сказывают, что недавно в Гороховцах пропал дьяк, шёл вечером, откудова-то вертался лесом. Да и не дошёл. Урядник сказал – может он спьяну на болото забрёл, да и сгинул! Шапку только на кустах у болот и нашли. Остеречься надобно.

– Матушка, а тебе никак неможется? – приглядевшись, спросил Степан, – Не приболела ли, родимая?

– Что-то печёт нутро, Стёпушка, – Марья зябко повела плечами, – Ничего, не тужи, сейчас заварим чайку с медком да травами, как рукой сымет! Видать подстыла, погоды-то уже холодные, скоро зима.

Степану тоска легла на сердце, не спал он ночь, слышал, как ворочается у себя бабка Марья, тяжело и хрипло дыша. Только под утро сморил его сон, на тёплой лежанке у печи, покрытой мягкой овчиной.

Две недели болела Марья Тимофеевна, и всё время Степан с ней был неотступно. Жар донимал её, Степан всё делал, как она сама укажет – брал из нужных мешочков корешки и сушёные ягоды, томил в печи и поил больную отварами. А пока та спала, молился непрестанно, бил поклоны под образами, с мольбой и надеждой глядя в лики святые, которые казались живыми в тусклом свете лампадки.

Отошла, отступила хворь, проснулся как-то по утру Степан, а Марья Тимофеевна уж и тесто налаживает, да тихо припевает что-то. Заулыбался Степан, радостно на сердце стало, оздоровела матушка, поёт...

Днём забрался Степан на крышу дровника, кой-чего поправить, покудова дождя не принёс холодный ветер. Орудовал там, а сам всё думал... как уйти ему, как оставить названую матушку... спасла его, столько сил положила, вот теперь, когда сама приболела... как бы она управилась, кабы его рядом-то не оказалось? Жалко её покидать...

Заболела душа, может статься, и его матушка родная так вот теперь одна... и воды подать некому, ведь и ей годов уж не мало, коли жива! Застучало сердце, хоть разорви его пополам! Поднял Степан глаза вверх, где плыли по небу серые тучи и гнал злой осенний ветер своё стадо.

– Степан! – кричала вернувшаяся с деревни бабка Марья, – Ты что там, застыл? Али забыл, что на ярмарку нам надобно? Давай-ка, спускайся, собираться начнём. Завтра до свету выезжать надобно, чтоб на торг успеть.

Как Господь управит, решил Степан, оставляя свои горькие думы, зима ещё впереди, и спасибо, что есть где её зимовать, где голову преклонить да душой согреться!

На ярмарку поехали затемно, когда ещё даже заря не занялась, Степан вывел Рыжуху и запряг в гружёную телегу:

– Терпи, Рыжуха, терпи, родимая! А вот на ярмарке сахарку тебе дам!

Ярмарка в большом селе Богородское, что от Погребцов верстах в двадцати, а то и больше, только ещё начинала просыпаться, когда приехали Марья Тимофеевна со Степаном. Бабка Марья указала Степану:

– Вон туда вставай! Мы с Иваном, когда он жив был да бондарничал, завсегда там становились, вот опосля и я... Я не каждый раз езжу, иной раз и без надобности. А в этот год и мёду довольно, да огород дал урожаю, слава Богу! А нам с тобой столько-то и не надобно, вот продадим, авось чего и выручим. Полотна купим, рубаху тебе новую сошью.

Расцвела ярмарка товарами, Степан и оглянуться не успел, как запестрели в толпе покупателей цветастые женские платки, зазвенел залиvistый смех ребятишек возле торговца сви-
стульками. Удивился, когда только и успевал подавать Марье Тимофеевне тuesки с мёдом, торговля бойко шла – покупатели то и дело приговаривали что этот мёд лучший, они на ярмарку за тем и шли. Да ещё и переторговать друг друга пытались, когда уж немного совсем такого товару оставалось.

– Ну вот и ладненько, – поправляя свой платок, говорила Марья Тимофеевна, – И веники наши мы с тобой пристроили, вон, гляди – Толоконников-то со своими так и стоит, никто не берёт. А ведь городской-то банщик дважды мимо шёл, да что-то морщился.

– Так у него веники голые, – заметил тихо Степан, – Вот и не берёт никто. Либо собирал не так, либо сушил не по уму.

– Ты тут Рыжуху нашу покарауль, да телегу тоже, народу всякого бродит, – сказала Марья Тимофеевна, – А я покудова пойду по надобности чего куплю. Вот, спрячь у себя подальше, – она протянула Степану кошель с деньгами, отбавив немного на покупки и ушла.

Степан немного озяб, ветер не шутя гнал жухлую листву по сельской площади. Накинув на Рыжуху попону, прихваченную из дома, Степан забрался в телегу и накрыл ноги овчинкой. Разглядывая народ, он вдруг выхватил в толпе весёлое лицо с холодным прищуром знакомых хитроватых глаз.

Глава 11.

Степан вздрогнул всем телом, потом поглубже натянул на глаза картуз, подаренный Марьей Тимофеевной. Подняв ворот зипуна, вроде как озяб от ветру, сам не сводил глаз с Захара, который со своей приветливой улыбочкой прохаживался меж телег и ярмарочных рядков. Останавливался, брал товар в руки, приглядывал и вертел в руках, подмигивал торговкам и отсыпал шуточки.

Но Степану-то было ведомо, что на самом деле носит в сердце этот человек. Он искал глазами Марью Тимофеевну, как бы в беду не попала названная его матушка, ежели тут такие «гости» объявились... В ночь теперь вертаться домой будет опасно, надобно заночевать до утра, а иначе можно и навсегда в болоте-то пропасть, и уж никто не поможет.

Степан зорко всматривался в толпу – не мелькнёт ли где полицейский мундир, тогда бы он уж указал на этого Захара, но кругом были только торговцы да покупатели, с ребятишками, целыми семьями... да ещё вон ряженные, какая ж ярмарка без них!

Захар пропал, затерялся в шумной толчее, но Степан приметил, сколько мог, у которых возов с товаром он стоял дольше, кого из удачливых торговцев он взял на примету. Решив дождаться Марью Тимофеевну, Степан задумал упредить тех, кто с доброй выручкой сегодня домой отправится, чтобы остереглись.

– Здравствуй, Степан Фёдорович, – раздался рядом с повозкой игривый голос, и обернувшись Степан увидел, что перед ним стоит нарядная раскрасневшаяся Настасья.

– Здравствуй, Настасья Никифоровна, – отозвался он, всё высматривая в толпе Марью Тимофеевну, – Ты как здесь, покупать, аль продавать?

– Да вот, полотна надо, ребятам пошить рубашек, да так, по мелочи, – щёки Настасьи ещё сильнее зарделись, когда она приметила, как её со Степаном разговор привлёк внимание пары кумушек с Погребцов, как раз её соседок, – Платок вот себе присмотрела, да просят дорого...

– Ты одна, али с ребятами? – огляделся Степан.

– Малых с бабкой оставила, старшой со мной. С отцом мы приехали, он привёз, – Настасья чуть нахмурилась от того, что Степан не услышал её намёка на подарок, – А ты, по какой надобности?

– По разной, – коротко ответил Степан, – Ты бы сынка отыскала, Настасья, мало ли какие здесь люди...

– Да вон он, подле леденцов да ряженных, – Настасья уже не смогла скрыть своего раздражения, – Ну ладно, может свидимся ещё, – бросила она и зашагала к большому прилавку, где были раскинуты цветастые платки.

Степан не неё не глядел, окинув взглядом толпу, она приметил возвращающуюся Марью Тимофеевну, тогда сам отошёл от повозки и направился к лотошнику, у которого столпились ребятишки и тронул за плечо Егорку.

– Здравствуй, Егор.

– Здравствуйте, дяденько, – мальчик испуганно посмотрел на Степана.

Степан купил леденцов и ещё большой пряник, подал всё это мальчику и сказал:

– Ты, Егор, ступай к матери, и от неё не отходи. Ярмарка, всякие тут люди есть. А это вам гостинцы... Ну, что стал? Беги...

– Дяденько..., – смущённо глянул на него Егорка, – А ты... правду маманя говорит, что ты с острога сбежал? И что ты детей своих за непослушание насмерть прибил?

– Я?! – удивился Степан, но потом сообразил... что Настасья детей им пугала, словно бы лучшим каким, – Нет, Егорушка, то неправда. И детишек нет у меня никого, да и не было, выдумки это. Ну, ступай, ступай.

Мальчик поблагодарил его за гостинцы и побежал к матери, а Степан, потемнев лицом, пошёл к Марье Тимофеевне, которая остановилась у прилавка с полотнами. Вон как оно выходит, думалось ему, вроде бы ни словом не обидел он Настасью и робят её, а всё же для них душегубец оказался... Видать идёт о нем худая молва и по Погребцам...

– Матушка, ты всё ли купила, что надобно? – спросил он, подойдя к бабке Марье, – Скоро и темнать начнёт.

– Иду, Степан, – отозвалась та, – Держи-ка, полотна вот взяла, уложи под кожух. А что, на тебе словно и лица нет?

– Пойдём, матушка, у нас вон Рыжуха застоялась, – ответил Степан и бабка Марья поняла, что неспроста обеспокоился Степан, видать и худо где-то недалеко ходит.

Они подошли к телеге, и Степан начал увязывать поклажу, чтобы ничего не растерять по тряской дороге, Марья Тимофеевна потёрла озябшие руки, о чём-то перекрикнулась со своей знакомицей, и только после подошла к Степану.

– Что, Стёпушка?

– Худого человека я видал, матушка, это он меня тогда в болото кинул, – зашептал Степан, – Видать тут присматривает добычу! Как мы ночью-то домой вертаться станем? Хоть у нас и немного того барыша, но эти и за малую толику не пожалеют никого. Ехать ведь долго!

– Завтра поутру и поедем, – ответила бабка Марья, – Сродник мой тут недалече живёт, вот у его и заночуем. Потому не тужи, завтра со светом отправимся, до сумерек дома окажемся.

– Хорошо, – кивнул Степан, – Только ты не ходи больно-то тут, всё мне за тебя боязно. Захарко этот... худой он человек, да и думается мне не один он тут промышляет.

– А я всё по надобности купила, баранок прихватим в гостинец сроднику, да и поедем. Вон уж, ярмарка утихла, народ больший прошёл уж. А вона и Настасья... гляди-тка, на тебя глазами так и стреляет, так и стреляет! А? Ты смотри, баба-то справная, красивая, хозяйство крепкое, да и сама... Глядишь бы и остался тут, а, Стёпушка? Ишшо бы ребяток народили, красота!

– Она мной детей пугает, словно я жердьяй какой, – невесело усмехнулся Степан, – Пустое это, матушка. А вот ты лучше скажи, не видала ли ты урядника али кого со сподручных его?

– Детей тобой пугает? – удивилась Марья Тимофеевна, – Дура-баба, чего с неё взять. А урядник... почто он тебе? От него проку нет, он уж отведал наливки у Еремея в избе, про то все знают, да поди уже и спит.

– Да так, поговорить хотел, – покачал головой Степан, – Ладно, ты тут будь, я сейчас вернусь. Хочу топор себе купить, взамен того... какой я плотник без своего-то топора.

– Ну, ступай, ступай, да и поедем. Прав ты – теперь быстро темнеет, а на край села, за ручей ехать. Архип нас ждет, знает, что я на ярмарку буду в этом годе-то.

Степан натянул картуз на самые глаза, сперва осмотревшись, нет ли где поблизости знакомых колючих и хитрых глаз, да и пошёл поскорее за топором. А по пути поговорил с людьми, возле которых крутился хитроватый Захар.

Тем временем бабка Марья перебирала в уме, всё ли купили по надобности, когда к ней подошла улыбающаяся Настасья, за руку которой держался Егорка.

– Бабушка Марья, здравствуй, – ласково сказала Настасья, – Вот, увидела тебя да и думаю – надо поблагодарить, что такого работника справного прислала, присоветовала. Хороший мужик он, сродник-то твой Степан. И в работе, и к ребятам моим ласковый... Может и сосватаешь мне его, за таким ведь не пропадёшь? А правду говорят, что он острожник? Может пустое болтают?

– Сосватать? – прищурилась бабка Марья, – Хорош мужик-то, да не про тебя! Дура ты, Настасья, и язык у тебя поганый!

– Что ты, бабушка? – Настасья побледнела, – Али я обидела чем...

– Это кто ж тебя, дуру, надоумил такому – детей человеком-то пугать? – тихо проговорила бабка Марья, пристально глядя Настасье в лицо, – Ведь ты сама говоришь – хороший человек... а что, сама ты бывшее своё позабыла? На тебе грехов-то нету? Так я ведь знаю, как ты к старой Чудийке на поклон ездила, чтоб дитя вытравить, не мужнина дитя-то! Боялась свёкра да мать свою, что помогать тебе не станут! А на человека наговариваешь! Смотри, ещё услышу – худо тебе будет! Ступай домой, вяжихвостка!

Настасья испуганно глянула на бабку Марью, эти слова до озноба её напугали, и хоть она сперва думала тут Степана дожидаться, поняла – дошла до старой Бондарихи её болтливость... Дернула Егорку за руку, побежала поскорее туда, где свёкор телегу свою расположил.

«Дура и есть, что уж, – ругала она себя, сердито подгоняя вперёд себя Егорку, – Зачем только я старой Рычихе это сказала, про Степана-то... она, больше некому, это на все Погребцы растрезвонила! Ну постой, старая морща, устрою я тебе, попадися мне! Из-за её я такого мужика упустила! Да и брешут всё может, про острог-то, а я... И бабка Марья на меня озлилась, вот как теперь к ней подступиться!»

Вскоре и Степан вернулся, с завёрнутым в мешковину топором в подмышке. Бабка Марья оглядела его, а ведь и вправду, выправился Степан, в плече широк, да и лицом не дурён... Дура эта Настасья, как есть – дура! Сосватала бы бабка Марья её Степану, остался бы он в Погребцах... своих сынов ей не дал Господь, так вот и был бы ей за сына! Да видать так и помирать ей одной...

– Озябла, матушка? Садись, овчиной ноги укрой да поедем, – Степан взял вожжи и погладил Рыжуху, – Ветер злой пришёл, кабы дождя не принёс, а то и снегу!

Бабка Марья молча села на повозку, тяжело было на сердце. Указала Степану дорогу к справной избе на краю села. Это был дом её сродника, строго Архипа Гавриловича, который ей приходился родным дядькой – меньшим братом матери. Годов ему было уже почитай девяносто, а то и больше – сам он того не сказывал, а другие никто и не считал.

Хозяин ждал гостей, и как только Рыжуха подвезла своих седоков к воротам, те отворились. У воротины стоял высокий крепкий старик с седой как лунь головой.

Архип Гаврилович овдовел лет пять как, и с той поры жил один, пятеро его сынов давно оженились и жили своим хозяйством тут же, в Богородском. Одна из дочерей взамуж вышла в Елашиху, а другая далеко, в уездный город, потому отца навещала редко.

– Ну, гости дорогие, милости прошу, – дед Архип хлопнул Рыжуху по крупу и глянул на Степана, – Ты, сынок, вон туда её води, пушай отдохнёт лошадка. Да и сами ступайте в избу, зябко нонче, вона ветер какой. Видать, скоро и белые мухи полетят.

От тепла, разливающегося от печи, и от сытого ужина Степан и вовсе разомлел, глаза слипались, и голова клонилась на грудь. Он лёг на лежанку у печи, куда указал хозяин, и засыпая слышал, как негромко беседовали бабка Марья и Архип. И понял, что речь идёт и о нём.

– Хороший он человек, сразу видать, – говорил негромко дед Архип, – Права ты, Марья... Хоть и горько мне от тебя такие речи слышать, но что ж – все под Богом ходим. Ежели что, не бойсь – подмогну и не оставлю. Но ты всё же от себя такие мысли гони, ты ещё молодка, рази со мной-то сравнить! Еще поскрипим с тобой!

Потом заговорили о разбойниках, о слухах, что всё больше беспокоили и пугали местных жителей. Дед Архип звал племянницу с выселка уехать, говорил, что не так давно сгорел выселок по-за речкой Сивергой, так вот то не спроста... такое пожарище.

Степан так и заснул, слушая мерную тихую речь хозяина и снова представляя себе страшные картины... эх, кто же найдёт управу на Микиту и его ватагу! Неужто не дождётся их острог, вот им-то там самое бы место!

Глава 12.

Как вернулись с ярмарки, стал Степан замечать, что порой да и не может его благодетельнице, хмурился и спрашивал, может какое лекарство достать, на что Марья Тимофеевна неизменно отвечала:

– Не придумали ещё такого лекарства, Стёпушка, от старости-то.

На Покровá лёг снег, пока ещё малой совсем, неглубокий и рыхлый, он покрыл белым своим нарядом землю, и на душе стало как-то веселее. Степан ладил в сарае сани, скоро можно будет Рыжуху запрягать, да по дрова. Эх, хорош новый-то топор, ровно тешет податливое дерево! И теперь вот они с названной матушкой и за корзины взялись.

Марья Тимофеевна в этом деле мастерица была, и хоть Степан сам умел корзины вязать, а вот такого диковинного узора, как она, выплестать не умел. Теперь вот прилежно учился, сидя вечером у лучины и глядя на умелые руки названной матушки и стараясь ей подражать. А когда брался за небольшую досточку, да пытался повторить те узоры, что были вырезаны когда-то хозяином этого дома. И с каждым разом всё больше разумел – как держать инструмент, как вывести узор.

– У нас дюже ива хороша на корзины-то, как раз у болот растёт, – говорила Марья, свивая ивовый прут и чуть покашливая, – Я тебе опосля покажу где, как поедem в Липовку, там у меня тоже сродники, Агафья с мужем да ребятами, сестра моя родная. А на Липовке-то все мочало дерут, спасу нету, всё говорят, что там оно какое-то шибко хорошее. А по мне – мочало как мочало, чего ему...

Так и жили, иногда Степан подряжался куда-то в работу, понимая, что это с лёгкой руки Марьи Тимофеевны его то и дело зовут плотничать. Тогда он уж во всю старался, стал брать с собой инструмент Ивана Михеевича и примеривать его к своей работе. То притолоку чуть украсит, то ещё что. Хозяева дивились, но ничего, довольны были. А уж ребяташки, которые всё вертелись возле пришедшего плотника и получали от него то коника, то ещё какую зверушку, вырезанную из попавшегося под руку сучка, и подавно!

Когда ударил первый лёгкий морозец, приехал побывать дед Архип, да не один, а со старшим сыном Макаром, бородатым крепким мужиком с черными волосами. Наверно, такие раньше и у самого деда Архипа были, пока их серебром не покрыло, думал Степан.

– Мы за тобой, Степан Фёдорыч, – сказал дед Архип, – Коли сам желаешь. В Елашиху завтра до свету поедem, там надо подсобить, тебе по плотницкой части есть работа. Бывший барин хорошо платит, не обманывает! Так что скажешь? Согласен?

Степан глянул на Марию Тимофеевну, которая согласно кивнула, и с благодарностью приглашение такое принял. Глядишь, и соберёт он до весны какие-никакие деньжата, чтобы путь свой продолжить!

– Ну, вот и ладно! По пути в Ярмилино Ефима прихватим, сына моего, тоже с нами поедет, – гудел дед Архип, – Вот и соберёмся, считай – артеля! Что, Марьюшка, управисся пока одна-то?

– А что, управлюсь, – улыбнулась та в ответ, – Поезжайте с Богом.

Собрался Степан в путь, на другой день и поехали. Макару оказался весёлым балагуром, Степану он понравился, они сидели в санях позади деда Архипа и разговаривали, как давние знакомцы.

– А ты, Степан, расскажи, как ты Микиту-Кутерьму встретил, а? Дюже интересно! Страшно поди было?

Степан, который уже не так страшился вспоминать былое, рассказал, что когда он впервые разбойника увидел, то знать ничего не знал – кто такой есть этот Микита, чем промыш-

ляет, хоть, конечно и догадался. Особенно по виду и повадкам Микитина главного помощника Захара, как уж тут не понять, что не пахари-косари перед тобой!

– Вон, уж Ярмилино видать, – сказал им дед Архип, – Скоро доедем до Ефима, пообедаем! А кось, гляньте, чегой-то тама такое? Пожарище никак?!

На колокольне небольшой церковки тревожно гудел колокол, бередя сердце, да гудел не к заутрене... Степан с Макаром привстали, держась за плечи возницы и разглядывая, что впереди.

На самом краю села, у околицы, гудела толпа. Крайняя в ряду изба, которая стояла «спиной» к самому лесу, теперь полыхала, рассыпая искры, широкие клубы дыма поднимались в налитое тучами небо. Народ сновал к колодцу и обратно, другие кидали снег, смешанный с землёй, тщетно пытаясь победить бушующий огонь. Мужики баграми тащили обвалившиеся брёвна, чтобы огонь не перекинулся на дворовые постройки и не пошёл дальше пожирать деревню. Кричали друг другу мужики, бабы охали и причитали, поглядывая на что-то, темнеющее на взрытом у дороги снегу.

Приезжие, дед Архип и Макар со Степаном, соскочили с саней и кинулись помогать, чем только можно. Не скоро, ох не скоро сдался огонь... нет, не победили его люди, просто он «съел» всё, что раньше было большой бревенчатой избой, и ослабел сам собою. Мужики утирали потные закопчённые лбы и радовались хотя бы тому, что «красный петух» не пошёл гулять далее по деревне.

Степан обтёр горячее лицо, прихватив пригоршню снега и похлопал Макара по запачканному разлетевшейся золой зипуну. Они сели на край саней, пока дед Архип разговаривал со старшим, и только теперь Степан разглядел, что же там лежит у дороги. Это были прикрытые плотным телом... Бабы прижимали к лицу ладошки и горестно качали головами, глядя на них.

– Ох, беда-то какая! – говорила одна дородная женщина в синей душегрее, – Как жалко Фросю, ох-ох... Такая молодая! А этот, мужик еённый-то, откудава хоть будет?

– Говорят, что он с самой Перми, по торговым делам здесь! – тихо всхлипывая отвечала ей женщина чуть постарше, стоявшая рядом, – А Капустина сказывала, что он к Фросе свататься приехал, с собой звал... Тоже ведь молодой, справный, а ко вдове сватался, к Фросе! Ох, и судьбинушка, вона как обернулось... Фрося мужа схоронила, а теперь и сама следом за ним... не поспела пожить-то, ох, горе... И ведь что? Пожар-то сосед Фросин увидел, Горев Осип, кинулся на улицу, почитай уже в огонь... и их обоих из избы вытащыл, уж бездыханные оба, вон оно как вышло! Урядник сказал – дымом задохлись оба! Тока Осип то успел сперва Фросю, а потом и етово мужика, как и крыша валиться начала!

За женщинами стояли две старухи в шальных, они шептались тихо и беспрестанно крестились, оглядываясь по сторонам, не слышит ли кто. И не обращали внимания на двух усталых и измазанных сажей мужиков на санях. Одним из них и был Степан, он-то хорошо слышал, о чём шептались бабки.

– С Перми, как же! Прости меня, Господи, душу грешную! Разбойник он, как есть разбойник! Кума сказывала, этот мужик-то у ейной бабки вино куплял! Тряс сумой-то, откудава такие деньги, а? Разбойник, кума сказала, истинно!

Степан покачал головой, ох эта людская молва... чего только не придумают, даже про тех, кто уже и ответить не может...

«Разбойник! Разбойник? – вспыхнула в голове тревожная мысль, – Ярмилино, вдова... где же это я слышал... или приоблазнилось?»

Степан никак не мог вспомнить, но что-то такое металось в его голове, он никак не мог уловить. Увидев, что дед Архип стоит со старшим, Степан поднялся и направился к ним. Поговорив, все трое подошли к уряднику в вымазанной сажей форме. Тот вслушал их, пожал плечами и махнул рукой, дескать, делайте, что хотите. Степан отвёл дела Архипа чуть в сторону и тихо сказал, оглядываясь по сторонам:

– Дядька Архип, мне надо глянуть на этого... который погиб в избе-то. Пойдём вместе, и старшего прихватим, чтобы народ не смущать.

Дед Архип глянул в нахмуренное Степаново лицо и кивнул. Они подошли к лежащим на снегу бездыханным людям, прикрытым обгорелым полотном, Степан поднял край ткани и охнул... «Прощка!» – вспыхнуло в голове, Степан не мог вспомнить, когда он услышал имя детины, от души огревшего его топором тогда, у болот, а потом тащившего его вместе с Захаркой по мху, чтобы кинуть в топь навечно.

– Его Прохором звали, – тихо сказал он деду Архипу, – Это он меня моим же топором тогда... и потом они ещё с одним меня в болото бросили. Второго я на ярмарке видал, ходил к уряднику тогда, сказал ему, так тот только рукой на меня махнул. «Ступай, – говорит, – отседова, видал я вас таких, кто тебе поверит, ты и сам оттудова, небось, товарищ ихний! Что, краденое не поделили?!...» Таков был ответ! Кто же мне, острожнику, поверит! Я опосля по людям пошёл, сказал, чтоб остереглись, так и они порой косо поглядывали. Дескать, кто таков, чего надобно...

– Ладно, Степан, я сам со старшим поговорю про это, – нахмурился дед Архип, – Прохор, говоришь... Ну, вот и завершил свой земной путь Прохор, и теперь Господь ему судья за дела его. Идёмте, вон и Ефим наш, тоже весь в саже... Ох, ну и беда.

Немногим позже в большой добротной избе по той же улице, где нынче случился пожар, мужики собрались за столом. Аглая, жена Ефима, почтительно поглядывала на своего свёкра Архипа Гавриловича скромно сидя у оконца с шитьём. Трое ребятишек любопытно сверкали глазёнками из-за печки и мать строго цыкала на них, чтоб не шибко озоровали. Степан сидел рядом с Макаром и снова негромко рассказывал о своих приключениях.

– Да... досталось тебе, Степан, – сказал Ефим, – Только Божьей милостью выбрался. А у нас по деревне давно слухи ходили, что хаживает к Ефросинье мужик нездешний. Ну вроде и что с того, она вдовая, сама ещё не стара, вроде и рады за неё были – может взамуж её возмёт, детки пойдут, плохо ли?! Бабки, конечно, чего только не придумали – и разбойник-то, и купец с Перми, и чего там ещё не упомнишь.

– Я почти ничего не помню, мутно всё в голове, что у болота-то было, – сказал Степан, – Но вроде бы что-то и проясняется иной раз... Прохора этого я хорошо помню, и ещё Захар что-то говорил про вдову, про Ярмилино, вот я и вспомнил.

– Староста к уряднику ходил, я с ним поговорил про это, – покачал головой дед Архип, – Урядник только плечами пожал – разбойник так разбойник, только что от него теперь толку, от мёртвого-то. Вот и все дела. Не до этого им теперь – дом-то Ефросинье, сказывают, поджог кто-то! Народ к им приступает, боятся, как бы по деревне пал не пустили, лихой народ! А урядник что сделает? Ничего...

– Староста сказал, надо подмогнуть им там, на пожарище-то, мужиков собирает, – сказал Ефим, – Если завтра в Елашиху на работы собираемся, тогда давайте поторапливаться. Брёвна растащим, сарай да хлев... чего там ещё сделаешь... Снегу нынче мало ещё, ковыль сухой стоит, как бы не полыхнуло дальше! Чего там староста скажет сделаем, чтобы завтра нас не задержало ничего. Глаюшка, ты нам баньку справь к вечеру, отмоемся от сажи-то.

Задумался Степан, что-то беспокоило душу, казалось, что вон оно – потянись и вспомнишь, а нет, не давалось, ускользало... Вроде бы как он ещё что-то слышал, когда тащил его этот Прохор, а что... никак не вспомнить.

Покачал головой Степан, горькая кончина настигла этого Прощку... Молодой ведь совсем, а дорожку кривую выбрал, вона куда она его завела! Да мало что сам сгинул, так и ещё невинную душу с собой прихватил. Подожгли... уж не Захаркина ли рука и здесь постаралась, а то и самого Микиты промысел. Думы не отпускали Степана, он запахнул плотнее зипун, за пояс сунул свой топор и вышел на двор, где справные да крепкие сыновья деда Архипа собирались идти по зову старосты «очищать пожар», как сказал Ефим.

Глава 13.

Народ уже разошёлся по своим дворам, обсуждая случившееся. Сам Осип Горев, чья изба была ближе всех к месту пожара, ходил кругом своего хозяйства почёсывая затылок.

– Что, Осип, может чем подмогнуть тебе? – крикнул ему Ефим, но тот махнул рукой, дескать, чем тут поможешь.

– Снегу бы нанесло поболее, всё спокойней, – сказал Осип, когда мужики подошли к его забору, – Я уряднику говорю, хоть бы прислали нам кого, дозорных, охранить деревню сколько времени! Ежели одну избу спалили, так может ведь на всю деревню хотели пал пустить, да не вышло. Боязно мне теперь, своих я к бабке отправил, она за прудом, туда хоть огонь не дойдёт.

– А урядник что?

– Да что он, – махнул рукой Осип, – Кого говорит вам еще надоть, кому наше Ярмилино сдалось палить его! А вот запалили Ефросинью, я-то точно знаю, что запалили! Я когда из огня... тащил, уж больно странно там пахло, керосином что ли. И солома кругом разбросана! После уж погорело всё, конечно, кто ж разберёт, где началось. Откудова у Фроси керосин, это я уж опосля подумал. И мать у меня, ночью старые кости ломит, рассказывает – не спалось как раз, нешто водицы испить, и в окне видала, словно тень какая мелькнула меж заборами. Она меня и разбудила, когда огонь увидала. А урядник говорит – ну, начнёт народ чичас выдумки сочинять да небылицы!

– Ладно, чего зря языками чесать, – вздохнул Ефим, – Давайте приступать, чего там старшой назначил. Вон, амбар ещё дымит, как бы не занялось.

– Растащим гарь, – сказал Осип, – Амбар залить можно, а может и тоже раскидать придётся. Ох, ох...

Ярмилинские мужики снова собирались у пожарища, тут и староста явился, Михайло Пантелеевич Родин, мужчина в годах, суровый и немногословный. Фросино хозяйство своей «спиной» выходило на другую улицу, и теперь было опасение, что случайная искра из тлеющих брёвен порушенной избы случайно попадёт на соседние постройки. Потому и собрались, чтоб обезопасить гудевшую от происшествия словно растревоженный улей деревню.

Степан всё никак не мог успокоить свои мысли. Орудовал топором рядом с Макаром, а сам всё силился вспомнить то, что никак не шло на ум, а лишь витало где-то рядом.

– Сестра Фросина пришла, Дарья, – сказал Осип, подавая Степану крюк, – Цепляя бревно, я утащу. Вона стоит, бледная вся... Эх, горе, горе. Скотину с хлева успели вывести, вот Дарья с ребятами своими к себе на двор угнала. А хлев погорел, почитай половины нет, тоже надоть растаскивать да лить...

К ним подошёл дед Архип, который до сего разговаривал со старостой, лица обоих мужчин были хмуры, и Степан слышал, как они поминали Микиту и его шайку.

– В Уезд наши бумагу писали, да и сами отрядили гонца, – говорил староста, – А ответа до сей поры ждём, и дождёмся ли... Придётся самим дозор выставять, при таком разе! В церкву давеча икону привезли, оклад богатый, вот и я опасаюсь, кабы не позарились... Для таких Бога нет, им икона – это золото да каменья, а не святой лик!

«Хлев... хлев..., – почему-то думал Степан, цепляя крюком обгоревшее и ещё чуть дмящее бревно, – Про хлев Захарка говорил!»

Он передал крюк Осипу, вытер руки о поряток уже замазанный сажей старый Ефимов зипун и пошёл разговаривать с дедом Архипом и старостой. Разговор длился недолго, выслушав Степана, староста ещё сильнее нахмурился и то и дело горестно хлопал себя по бокам. После они с дедом Архипом пошли говорить с высоким здоровым мужиком, кем уж он был – Степану не доложили.

После, растаскивая головни по жидкому снегу, сбитому с землёй ногами работающих на пожарище людей, Степан видал, что староста с двумя мужиками направился в полуобгоревший хлев. Довольно времени спустя староста вышел оттуда и поманил к себе Степана:

– Может, ослышался ты, или приблазнилось?

– Может и ослышался, – кивнул Степан, – Соображал я плохо, конечно, но куда всё, что я помню так и случилось. Ты уж не серчай, дядько Михайло, я как есть, так и сказал. Может и приблазнилось, того я не ведаю.

– Что ты, за что серчать, – отозвался Михайло Пантелеевич, – Тебе, Степан, и так досталось, да Бог миловал, видать есть у него на тебя свой промысел.

Из хлева вышел тот самый, высокий и плечистый мужик, подошёл к старосте и что-то шепнул ему в самое ухо. Староста нахмурился сильнее, лицо его потемнело, и покачав головой, он сказал Степану:

– Пойдём-кась, мил друг, до урядника. Поговорить надо. Только сперва скажись Архипу, чтоб тебя не потерял.

У Степана внутри похолодело, хоть и не сделал он ничего дурного, а всё же бывший каторжник... таким веры нет, потому как такие как он сам теперь по болотам и бродят.

Пока шли к избе, где заседал приехавший с Богородского по случаю пожара урядник, староста негромко сказал Степану:

– Прав ты был, суму немалую в хлеву сподручный мой отыскал. В стропилах запрятали, так-то, – негромко гудел староста, – Вот теперь только мне ещё сильнее боязно, кабы не пришли за сумой-то... Поди ведь догадывались, что добро спрятано. Но сперва видать прятали в одном месте, а после поглыбже утаили. Видать он, который к Фросе хаживал да с тут и смерть сыскал, и вправду был из тех, кто по болотам бродит...

Урядник Савелий Баланов, высокий худой мужик, сидел за столом у оконца и что-то усердно писал на бумаге. Бабка Марфа, хозяйка избы, тихо сидела у печи, сложив руки на коленях и смотрела на гостя. Увидев вошедшего старосту, Баланов недовольно поморщился, явно не желая никаких вестей.

– Что у тебя, Михайла Пантелеевич? – спросил он, – Я уж написал всё, чего ещё у вас тут стряслось!

Староста молча кивнул бабке Марфе, чтобы не мешалась мужицкому разговору, та поспешно встала и скрылась за дверь, накинув шаль. Родин сел на лавку, утёр лицо своей же шапкой и положил на стол перед урядником грязную суму, тяжело звякнувшую о деревянную столешницу.

– Это ещё чего?

– Нашли в хлеву. Видать этот Прохор, который с Ефросиньей-то погиб, схрон сделал себе. Да видать из ентих был, вот и спрятал уворованное! А доискаться нам Степан Кузнецов помог, я его с собой привёл, на дворе ожидает.

– Ну, так зови, – недовольно пробурчал урядник, – Чего ждёшь! Мне видать от вас не убраться! Не одно так другое!

Обо всём, что было со Степаном с того самого момента, как он покинул острог, урядник расспросил его очень подробно и попросил повторить рассказ несколько раз. Всё задавал и задавал одни и те же вопросы так, что даже староста Родин уже начал тяжело вздыхать и недовольно поглядывать на непонятливого урядника. А Степан понимал, что урядник нарочно спрашивает, ждёт, что Степан сообразит и обнаружит неправду.

– Так сколько, ты говоришь, они у тебя уворовали там, на болоте, когда оглушили-то? – в голосе урядника слышалась насмешка.

Степан нахмурился, но лгать не стал и назвал сумму, которую он нёс с собой. Баланов рассмеялся, жидкая его бородёнка задёргалась, кадык на тощей шее противно задёргался.

– Сколько-сколько? Это где же, в каком остроге у нас так хорошо плотют, а? Откудова у острожника такие деньги, скажи? Вот ты ври, да не завирайся! Думаешь, я тебе сейчас с этой суммы отсчитаю, сколь ты сказал, и тебе уворованное верну?!

– Нет, я про это не думал. Ты меня спросил – я тебе ответил! А денег этих мне не надо! – хмуро ответил Степан, – Эти деньги слезами да кровью человеческой политы, да смерть на них!

– Ты, Савелий Яковлевич, лишку дал! – хмуро сказал староста, – Пиши давай, что положено, да нас отпускай! У человека своих делов полно, а что он с острога, так он свою вину отплатил! Мы и так их с Архипом Гаврилычем задержали, чтоб подмогли на пожаре, а ты... Пиши свои бумажки, считай, сколько принесено тебе, и нас отпускай! А что человеку его добро вернуть – так то справедливо было бы, но ты же... у нас не для того поставлен!

– Ты, дядька Михайло, думай, чего говоришь! Я терплю покудова, но и у меня терпение конец имеет! – рявкнул урядник, – Мне лучше знать, чего с такими как этот твой Степан делать!

Указав Степану на скамью рядом со старостой, урядник раскрыл измазанный сажей и пахнувший гарью мешочек с монетами, и стал аккуратно складывать их в стопки, записывая всё на бумагу. Когда всё было посчитано, Баланов повертел в руках медную монету, которая закатилась за лист и ни в одну стопку у него не попала, подозвал к себе Степана и отдал ему медяк:

– На, вот тебе награда. Ступай, да благодари Архипа Гаврилыча, только из приязни к нему да помня его мне помощь, тебя сейчас отпускаю. Поклянись, что ты не один из тех, кто с Микитой гуляет, ну?!

Степан молча смотрел в бегающие глаза урядника и молчал. Что сказать, какая вера у такого человека, как этот Баланов, к его клятвам...

– Вон, можешь поглядеть, какую «награду» мне Микитины мѡлодцы подарили, – Степан наклонил голову и показал шрам на голове, – Такая клятва тебе подойдѣт?

Вместе со старостой они молча покинули избу и вышли на двор, где их дожидался старостов сподручный, высокий и крепкий Антип. Степановы щѣки горели, душа klokотала, а в руке он сжимал поданный урядником медяк.

– Где тут церква у вас? – спросил он у старосты.

– А тебе зачем? – Михайло Пантелеевич и сам был бледен и хмур после встречи с урядником.

– Деньгу отдам на жертву. Пусть не много, а всё, что есть. Что в остроге пребываючи своим потом заработал, вот этот медяк и есть. Бог примет.

Староста молча свернул в переулок, ведущий к местной рубленой церковке, и махнул Степану рукой, чтоб тот шѣл за ним.

Глава 14.

На утро после того дня, когда Степану вместе с сыновьями деда Архипа довелось помогать на пожарище, они собрались и отправились дальше, по своему делу в Елашиху, где их ждала работа. Степан сидел на санях молча и не вступал в разговор Макара с братом Ефимом, которые живо обсуждали происшествие в Ярмилино. На душе было тяжело.

До Елашихи оттуда было недалеко, дорога была езженная и резвый мерин шустро перебирал мохнатыми копытами, взметая тонкую пелену снега, только чуть покрывшую землю. Муторно было у Степана на душе. Да и что сказать, как тут не тужить, коли ещё и половины пути он не прошёл до своей родной сторонки, а уже вона какие приключения свалились на его голову... Эдак то и вовсе немудрено живому до родной Сосновки не добраться! А ведь и верно говорили острожники из бывших, что по выходу с острога оставались жить там, в Солонцах. Никто их здесь не ждёт, все смотрят косо, и никто тебе не поверит, ни единому твоему слову...

– Что, Степан, пригорюнился? – спросил дед Архип, – Иди-кось, вожжи возьми, а то у меня старые кости озябли. Ветер-то вона какой, руки окоченели...

Степан очнулся от своих дум, словно проснулся. Макар с Ефимом дремали, привалившись друг к другу и мерно покачивались в такт шагам пегого мерина.

– Ты эту кручину на душе не держи, мил друг, – распознав Степановы терзания, сказал дед Архип, – Урядник этот... Баланов, человек глупый, не о том думает, не о том хлопочет. А за деньги, что у тебя Микитовы молодцы утянули ты не горюй! Руки-ноги у тебя на месте, голова светлая, силы пока есть – деньги дело наживное! Не тужи, заработаем! На-кось вот, краюху пожуй покамест, скоро уж и на месте будем. Там у меня сродник, в Елашихе-то, у него и остановимся.

– А что за работа-то, дедо? – спросил Степан, принимая из жилистых рук деда Архипа угощение, – И почто он, барин-то этот, своих в работы не берёт, Елашинских? Ведь поди ж и там мужики есть, кто плотничает не худо.

– А то! Знамо дело – есть. Да барин-то этот... из бывших, папенька евойный почитай шесть деревень крепостных тут получил в приданое за женой-то. А после вона как, вольную всем царь-батюшка подписал. Наш-то барин молодой дюже сердился на это, а что поделаешь?! Приказчика приставил, ох и лютого, а мужики елашинские того на вилы... Да, были времена... Ну вот, молодой-то барин на Елашинских теперя зуб имеет, и в работы их не берёт. Он за зиму отседова в город уезжает, там у их дом большой, вот и зовёт, чего в его отсутствие поправить надобно в усадьбе. Меня с сынами третий раз зовёт, староста Елашинский меня хорошо знает.

– Поди их разбери, городских-то, – сказал проснувшийся Макар и слышавший разговор, – А наше дело работу справить, тем более что платить барин не скупится, и то хорошо. Ты, Степан, приляг, поспи, я посижу. А то у тебя дюже вид уставший.

Степан лёг на солому и поплотнее закутался в лошадиную попону. Осенний злой ветер сердито метался в верхушках елей и гонял сероватые облака. Не отпускала тоска, так и томила душу, и никак Степан не мог от неё отделаться, так и задремал, в горькой думе.

Елашиха оказалась довольно большим селом, не в пример Погребцам или Ярмилино. Одна улица даже была вымощена камнем, теперь припорошенным снежной позёмкой, она тянулась до самой усадьбы с широким двором перед каменным домом со множеством построек по двору.

Работы им отрядили много, дед Архип даже сперва чуть повздорил с местным старостой, худым и бледным мужиком средних лет, который и своих знакомцев тоже отрядил на работу в усадьбу.

– Ты, Пантелей, почто сразу не сказал, что здесь работы на неделю, – ворчал дед Архип, – Я домовничать Николая оставил, сказал – ворочусь третьёго дня.

– Да что ты, Архип Гаврилыч, твои робяты справные, за три дни и управят! – ускользая глазами от сердитого дедова взора отвечал елашинский староста, – Не бойся, что дак и мои подсобят.

– Подсобят, как же! – ругался дед, – О прошлом годе так пособили, переделывать пришлось!

Поругался дед Архип, да не обратно же ехать. Так и ходили на работу в усадьбу до свету, работали, пока можно было хоть что-то видеть в сумерках, но Степану нравилось, и он не жалился на судьбу. Кормили справно, а сродник деда Архипа, у которого разместились на постой, мужик был душевный и щедрый, потому к возвращению с работы всегда был готов самовар.

Неделя пролетела незаметно, работа была сделана, и управляющий в усадьбе пристально осматривал сделанное, но придраться было не к чему, к тому же и наказ хозяина надобно было исполнить – рассчитаться с работниками сполна. Что и было исполнено.

Домой возвращались усталые, но заработком были довольны. Макар с Ефимом накупили в магазине гостинцев ребятишкам и жёнам, дед Архип тоже внукам кой-чего прикупил, а Степан вёз за пазухой два платка. Красивые, цветастые, с кистями! Один Марье Тимофеевне в подарок, а второй... думал, вот доедет до Сосновки, и матушке подарит.

– Лавка в Елашихе богатая, не в пример нашим-то, – говорил Макар, рассматривая гостинцы, – И магазин у них недавно совсем сделали, местный купец расстарался, выстроил. А тебя, Степан, управляющий-то приметил, как ты резаком своим узоры правишь! Думаю, что скоро тебе ещё работа будет, у нас такие слухи быстрым шагом -то по округе ходят. Так что пустой домой точно не отправишься! А может и передумаешь, да и останешься? Присватаем тебе девицу попригожей, а?

Братья дружески толкали Степана в бок, и так тепло ему было... словно и он был им родня! И не поминали ему прошлого, будто его и не было. Может всё ж и такие люди будут ему попадаться, а не только тот урядник, Баланов...

Вернувшись домой, Степан застал Марью Тимофеевну в здравии, названная матушка обрадовалась и его возвращению, и подарку:

– Ох, Стёпушка, краса какая, – она погладила рукой мягкий плат и кисти, – Благодарствуй, сынок!

Зажили они прежней жизнью. Зима разгулялась, расходилась широко, трясла снежными шапками облаков, рассыпая по округе нарядное покрывало и одевая лес в свой наряд. Затрещали морозы, вырисовывая на окнах диковинные узоры. Степан глядел на них и думал, вот бы и ему мастерство иметь, да на дереве такие картины резать. Бабка Марья достала из сундука добротный мужнин кожаный и чуть подправила его на Степана, а за валенками ездили в Погребцы. Жизнь текла размеренно, и порой Степан ловил себя на мысли, что он страшится прихода весны...

А между тем слова, сказанные Макаром при возвращении с Елашихи, подтвердились, о Степане разошлась молва по округе. То и дело прибывали на выселок гости с предложением изукрасить новые ставни или крыльцо. Сначала Степан беспокоился сможет ли, выйдет ли у него и опасался испортить работу, но вскоре понял, всё у него хорошо выходит, рука «ложится» как надо, дело идёт.

К Рождеству у него уже было собрано денег больше, чем он «подарил» тогда Миките и его сотоварищам, там, на болоте. Он вроде и не старался всё складывать – матушке названной всегда покупал гостинцы и нужное для хозяйства, хоть Марья Тимофеевна его за то журила. Накопленное дома не держали, потому как хоть и злилась зима, напуская стужу, а молодцов Микиты-Кутерьмы это не пугало. То и дело доходили слухи один другого страшней, потому и отвезли что было ценного к деду Архипу, а тот уговорился со старостой, чтоб в управе в железном ящике сохранил. Там уж точно никому не добраться, кто до чужого охочий!

– Настасья-то Крупина всё о тебе справляется, как ни бываю в Погребцах, – хитро поглядывая на Степана, рассказывала бабка Марья после своей очередной побывки в селе, – Видать, приглянулся ты ей. Ну, что взять, баба-дура, не сдержалась на язык, ты уж её прости, Стёпушка. Может пригляделся бы... хозяйка она хорошая, да и с лица приятная. Вот бы и зажили хозяйством, замуж бы её позвал, а?

– Кто за меня пойдёт, что ты, матушка, – качал головой Степан, – Да и я... ведь душа болит, а ну как матушка жива... а я...

– Да уж знамо дело, душа болит, – кивала Марья Тимофеевна, – Так вот по весне бы и поехал на побывку, да и обратно к жене верталься... И матушку с собой, чего ей там одной? А мы бы с ней здесь, ох, и хорошо бы! И в лес по ягоды, и на реку... Хорошо!

Степан лежал на припечке, привалившись к тёплому печному боку и улыбался. Светлая душа у Марьи Тимофеевны, миловал его Господь, когда в тот день послал её на болото.

– А я и без жены сюда вернусь, коли примешь, матушка, – улыбался Степан, – И работа мне тут имеется, а если и матушку мою сюда бы... Душа на месте, когда все дома вместе, так дед мой говаривал.

– Как не приму, Стёпушка, ты мне уж почитай, как сын! – качала головой бабка Марья, – А матушка твоя, коль согласна будет, сестрицей мне станет, вот и заживём. Думаешь, сладко мне одной-то на высылке? Старость-то, вот она, уж под окнами так и ходит...

С того дня они всё чаще говорили про то, что Степану надо домой побывать, чтоб за матушку не болела душа, да и вернуться жить сюда, и уже не так беспокойно стало ему ждать весны, а она уже звенела совсем рядом, пугая зиму. Права Марья Тимофеевна, здесь теперь его дом, вот и молва добрая о руках его умелых пошла всё дальше, уже и в Елашихе у него заказчик нашёлся, и в самом Богородском.

Вот и собрался тогда Степан в работы, в богатый дом в Богородском. Собрал инструмент, книжицу с узорами прихватил, что Марья Тимофеевна подарила. Обнял названую матушку, да и поехал с посыльным, которого заказчик с Богородского прислал. Работы там было недели на две, изукрасить домашнюю часовенку.

Степан уже заканчивал работу, выводил последние узоры и правил, оглаживал работу, когда пришёл местный конюшенный и сказал, что к нему приехал Архип Гаврилович. Увидав деда, Степан сразу понял, что недобрую весть принёс ему старик.

Глава 15.

Молча стоял Архип Гаврилович, голову опустил и сжимал в руках шапку. Степан шёл к нему через двор, не чуя под собой земли, хотя уже знал, что скажет ему посланник.

– Нет больше нашей Марьюшки, Стёпа, – тихо сказал дед Архип, – Собирайся, я за тобой. Она тебя за сына приняла, любила тебя... вот теперь вместе с нами её в последний путь проводишь...

Упал на снег из рук Степана ящик с инструментами, со звоном, словно гром грянул. Оборвалось сердце, зашлась душа тоской и болью.

– Как же... как же..., – задыхаясь говорил Степан и во все глаза смотрел в лицо деда Архипа.

– После говорить станем, собраться тебе надо. В путь пора.

Степан пошёл к Беспалову, который у хозяина здесь управлялся в его отсутствие да отдавал работникам приказы. Мужиком тот был строгим, спуску никому не давал, в былые времена он в богатом доме служил, и дело своё знал. Выслушав Степана, Беспалов повёл его в небольшую свою каморку, которую местная кухарка Дуся важно обзывала «кабинетом», достал из ящика деньги, сколь было уговорено за Степанову работу и отдал.

– Я после вернусь и доведу немного, – сказал Степан, – Пошли, Семён Кузьмич, работу примешь, покажу, что не доделано.

А работа вышла на славу, деревянные арки были украшены узором, только на одной пока не было прилажено узорной планки, её-то Степан и доделывал как раз в тот момент, когда явился за ним Архип Гаврилович.

Молча уселись в сани, мороз пробирал до костей, или это от охватившего его горя было так зябко Степану, он прикрыл глаза – снежное великолепие блестело на ярком солнце, в его лучах уже чаялась весна, но тепла ещё долго ждать.

– Дедо, как же это, а?

– Да что сказать тебе, Стёпушка..., – покачал головой дед Архип, – Уж ли я сам не думал, что переживу... и жену свою покойную, Малашу, а вот теперь и Марьюшку... Дома я был, знал, что Марья ко мне собиралась приехать с утра, по Маланье моей година как раз, сыны тоже приехали, дочек ждал да другую родню. Гляжу – у ворот Рыжуха топчется, сани то пусты, поводья брошены. Смекнул я – неладное случилось, её же и развернул обратно, Макара кликнул, по следу поехали. В лесу, почти уж у околицы лежит бездыханная... видать, упала и всё... Лицо тёмно всё было, а фершел наш опосля сказал – сердечный удар вроде бы. Так-то, Стёпушка..., – дед прикрикнул на мерина, подгоняя его и смахнул слезу.

Потекли слёзы по обветренным щекам Степана, уткнулся он в дедову спину и зарыдал, как ребёнок. Матушка названная, её доброта да ласка обогрела его, спасла от гибели неминучей, и вон как случилось – не пришлось увидиться боле на этом свете, не пришлось снова обнять да в ноги поклониться!

Когда вернулись, закрутилось всё для Степана, словно бы покрытое тёмной пеленой. Причитали бабы, дьяк читал молитвы, мужики стояли с поникшими головами. Вот и нашла покой светлая душа, ушла Марьюшка к своему Ване...

После в доме на Бондарихином выселке собралась семья. Во главе стола сидел Архип Гаврилович, поглядывая на сродников. Степан постеснялся за стол-то лезть, всё же он тут пришлый, но дед Архип поманил его и указал на место рядом с Макаром и Ефимом:

– Садись, Степан Фёдорович, поди ж ты нам не чужой, не посторонний! Агафья, лучину прибавь, уж вон темнеет как.

Агафья Тимофеевна, родня сестра Марьи, очень на неё походила – та же стать, те же глаза и улыбка, и глядя на неё Степану снова хотелось зарыдать в голос.

– Я вот что думаю, – начал дед Архип, – Ты, Степан Фёдорович, Марье нашей за сына стал, потому не тужи, оставайся в доме, сколь тебе надо. А надумаешь насовсем остаться – примем тебя, родной ты нам уже стал. Дом добрый, справный, живи, а чем надо – поможем. Да и сам ты мужик хороший, глядишь и хозяйку приведёшь сюда. Мы все своим хозяйством давно живём, вот и станешь нам за брата!

Степан с удивлением обвёл всех глазами, как же...ведь чужой он им... но мужики согласно кивали головами, женщины смотрели одобрительно.

– Благодарствуй, Архип Гаврилович! И вам всем земной поклон, и вы мне все родные стали! Да только думал я по весне-то в родную сторону отправляться, у меня ведь матушка... может жива ещё, хоть вестей от неё я давно не получал. А всё же надеюсь, может жива, родимая! Мне здесь и места нравятся, и люди всё хорошие, душевные... а всё же... думал, может и вернусь опосля... как будет, только Богу ведомо.

– Да что, ежели так, то конечно надо идтить, – сказал дед Архип, – Марья мне говорила про то, зачем ты в родные края вертаешься. Не сказывала она никому, а болела сама последние-то свои дни, хворь всё шибче её мучила, вот и просила меня... Ежели не станет её, не бросить тебя, Степан, подсобить. До весны покуда тут живи, а хошь дак ко мне перебирайся. Рыжуху свою Марьюшка тебе велела отдать, так что уж не пешком по весне в путь неблизкий отправисся. Соберём, что надо, да обратно станем ждать, коли надумаешь.

Сидящий рядом со Степаном Макар похлопал его по плечу, горько покачивая головой, тяжела эта доля, горька потеря.

Осиротел дом, словно бы даже и поник, не таким стал светлым, с ним вместе словно бы и сам Степан осиротел, всё думалось – вот откроется дверь и войдёт названная матушка, глянет эдак-то строго и по-доброму...

Дед Архип Степана не оставлял, приезжал часто, бывало, что и оставался на пару дней. У него во дворе теперь Макар заправлял, когда отец в отъезде бывал, да и силы у старика уже были не те, вот и жалели его сыновья, сами хозяйство справляли.

– Я ведь утаил от тебя тогда, – сказал как-то дед Архип, когда сели они со Степаном чаёвничать вечером, – Думается мне, что неспроста Марьюшка наша... я там глядел – следы были на снегу, словно Рыжуха шарахнулась, словно испугалась кого. Может зверь выскочил, да и Марьюшку испугал, вот сердечко то и не сдюжило...

– Матушка никакого зверя не боялась, – задумчиво проговорил Степан, – Ты, дедо, и сам знаешь, как она с мужниным ружжом управлялась... А что, дальше в лес ничего не смотрел, какие следы были?

– Да нет, словно бы и замечено всё, снег рыхлый был тогда. Кто теперь знает, что там случилось, а я это тебе к тому говорю... Ты и сам знаешь, какие слухи ходят, а ты тут на выселке один-одинёшенек. Собирайся ко мне, дом закроем, ставни заставим, скотину ко мне али к Агафье на двор. Всё не так за тебя боязно будет, – дед Архип помолчал, – Сказывают, что опосля пожара-то в Ярмилино молодцы незнакомые нет-нет, да и появятся, словно бы проездом или по делам. Кто-то с пьяных глаз видать про кошель разболтал, дак и стали ходить с расспросами, дознаваться... Не Микитины ли робяты, я вот что думаю! Такие гроша из рук не выпустят, а тут целый кошель, серебро, да червонцы были, сам же видал. А Баланов, урядник-то ярмилинский, неплохой мужик, да только... как вина выпьет, дурак-дураком, прости Господи! Мог ведь и про тебя рассказать, что ты кошель-то отыскал, да их известил о находке.

– Ладно, дедо, чему быть, того не миновать, – вздохнул Степан, – Что ж теперь, эдак-то и на любом углу могут укараулить да прибить. Нигде не спрячешься от такого, да я и не хочу.

– Я вот теперича и думаю, может и хорошо, что ты в свою Сосновку собрался, – покачал головой дед Архип, – Мабудь, уж там спокойнее народу живётся. И тебе без опаски по стороне родной гулять придётся.

Весна не торопилась, осторожно ступая по заснеженному лесу, делая своими тёплыми ладошками малые проталинки на взгорках, Степан так и жил покуда на Бондарихином выселке, ходил в работу, когда звали, то в Богородское, а то и дальше. А звали всё чаще, и он тому был рад, потому что сидеть на месте было хуже, тоскливо и муторно болела душа. А в работе он словно всё и забывал, выводил узоры, сдувая мелкую древесную стружку. Работа у него словно бы шибче пошла, рука налилась силой и умением, та книжица, подаренная Марьей Тимофеевной, очень ему помогла – как держать инструмент, как дерево готовить, всё там было написано. Молва о мастере расходилась всё шире, и теперь у Степана было достаточно денег на дорогу, может даже ещё и на обзаведение какое хватит, когда он окажется в родном краю.

В то утро Степану не спалось, поднялся спозаранку, заря только занялась за лесом. Управившись во дворе, где теперь и работы-то было немного – корову да телят свели к Агафье Тимофеевне, остались только с десятков кур да Рыжуха – Степан задумал изукрасить ворота. Вот уедет он восвояси, а тут память о нём останется, как осталась память о Марье Тимофеевне и Иване Михеевиче.

Он подбирал в сарае доски, когда услышал, что к воротам кто-то подъехал. Выглянув, он с удивлением увидел Ярмилинского урядника Баланова, вылезшего из брички и прохаживающегося у калитки.

– Ну, здравствуй, Степан Фёдорыч, а я к тебе, – сказал Баланов, и Степан подивился его тону, вежливому, уважительному, а ведь в последнюю их встречу Баланов по-другому разговаривал с бывшим каторжником...

– Здрав буде, Савелий Яковлевич, – настороженно сказал Степан, чего ожидать от такого гостя он не знал, – Проходи в избу, гостем будешь.

– Ты, Степан Фёдорыч, на меня не сердчай, что я в прошлый-то раз с тобой так... Виш ли, мил человек, много тут делов натворили бывшие-то, лютуют, вот я тебе и не поверил сперва!

– Ладно, кто старое помянет, тому, как говорится, глаз вон, – махнул рукой Степан.

– Слышал я, руки у тебя золотые, – сказал Баланов, усевшись на скамью под образами, – Был и в усадьбе, Беспалов тебя дюже нахваливал. Вот, и я решил в работу тебя позвать. Как, не откажешь? Оплачу всё чин чинарём, не бойся. Стол и кров, всё тебе будет, как скажешь.

А как тут отказать, думалось Степану, согласился конечно. В оговорённый срок собрался, запряг Рыжуху и отправился к деду Архипу, чтоб кобылку там оставить на присмотр, да обговорить, чтоб за домом в его отлучку приглядели.

Работы Баланов дал немного, больше супруга его беспокоилась, уж очень ей хотелось, чтоб у них вдому такие же узоры были, как в барской-то усадьбе. Высокая и худая Софья Алексеевна, под стать своему мужу, она строго сводила брови и спрашивала мастера, точно ли будет «как там, в часовенке»? Степан кивал головой и улыбался в бороду, часовню ту он доделал давно, и с той поры на его работу пошёл хороший спрос.

В семье урядника ребятишек было пятеро, мал-мала меньше, и снова Степан в свободную минутку резал игрушки, теперь они у него получались ещё быстрее да краше. Особенно к нему прикипела урядникова дочурка Машенька, девчушка годов шести, ясноглазая и добрая, приносила Степану угощение и просто сидела рядом, глядя, как он режет на досочке птичек и ягодки.

– Дядюшка, а ты и зайчика можешь? – спрашивала Машенька, бережно сжимая в маленьких ладошках деревянного голубочка.

– Могу, и зайчика могу, – улыбался Степан, и так согревалось сердце от детской чистой доброты.

Воскресным днём отпросился Степан у хозяина сходить до местной лавки, работа его уже была почти закончена, и он хотел купить гостинцев ребятишкам Макара да и себе чего присмотреть, мыло вот привезли, Софья Алексеевна сказывала.

Маша просилась было с ним, да мать не пустила, оно и правда – куда с чужим-то... тогда девчоночка вышла за ворота, Степана проводить и указывала ему, в какой стороне тут лавка находится. Отец, Савелий Баланов, с дочкой рядом стоял, да подмигивал Степану, сказал тишком:

– Как придёшь, обедать станем, по чарке примем, я вчерась наливки с Уезду привёз, попробуешь хоть.

Как-то вроде и сладилось у них меж собой, это на службе Баланов урядником был, а дома-то ничего, простой мужик.

– Ты, дядюшка, туда ступай, туда, – махала Маша ручонкой, – Да вернись поскорее, я тебя ждать стану.

Махнул Степан рукой Маше, и только шагов с десятков сделал, как из переулка навстречу ему вынырнул мужик в новом картузе да добротном зипуне. Глянув на Степана, мужик вздрогнул и чуть шарахнулся в сторону! Степан и сам опешил, потому что опознал в этом мужике Микиту, того самого...

Глава 16.

Встал Микита-Кутерьма как вкопанный перед Степаном, да и куда ему бежать, вон за спиной-то Степановой урядник стоит, дочку на руки подобрал и тетешкает...

Степан видел, как побледнел Микита, забежали глаза, руку было за пазуху сунул, да так смотрит на Степана, выжидает... А Степан сам опешил, глазам не поверил, да неужто он. А Микита подмигивает, да глазами на урядника вертит, губы шевелятся, да Степан его не слышит.

Так и разошлись, ничего, каждый своей дорогой. Не стал Степан кричать, побоялся. Хотя после и ругал он себя за то, что испугался, а не за себя, за Машеньку боязно стало... Не смог, а ведь надо было, наверное, крикнуть Баланову – дескать, вот он, держи! А что – держи?! Тот стоит, девчонка на руках, а у Микиты-то поди карманы не пусты, да за пазухой чего-то да припас... Все бы и полегли!

Да что, как себя не оправдай, а испугался! Степан качал головой, ругая сам себя. Не ожидал он, расквасился в спокойном-то житие, позабыл, что лихо рядом бродит, да с жизнями людскими не шутит. Теперь вот шёл да думал, надо Баланову сказать всё же про эту встречу. Ведь Микита видал, что Степан со двора урядника выходил, как бы тому не грозило это бедой... Небось, один Степан жив и остался из всех, кто Микиту в лицо видал, кроме его сотоварищей. Остальных-то поди болото приняло...

Прошёл Степан чуть дальше по улице и остановился, всё никак не мог с думой собраться, чего купить-то пошёл, всё в его душе взметнулось, вспомнилось. Огляделся, вроде бы тихо всё, мигом скрылся Микита в извилистых улочках Ярмилино, только собаки лениво побрелихивали со дворов прохожему вслед.

Не пошёл Степан дальше в лавку, вернулся в урядников двор, чем хозяина удивил:

– Ты что, Степан, никак заплутал? Ну, давай я соберуся да с тобой схожу.

– Нет, Савелий, не потому я вернулся, – ответил потемневший лицом Степан, – Поговорить надобно!

– Машенька, поди к матушке, спроси, когда обедать станем, – сказа Савелий дочке, поняв, что разговор непростой.

– Ты, Савелий Яковлевич, вот что... остеречься надобно тебе, да и мне тоже, – неловко начал Степан и рассказал о встрече, случившейся прямо за урядниковыми воротами.

– А ты уверен, что это он? Может обознался? – спросил побледневший Баланов, – Ежели всё так... надобно снова дозорных ставить, как бы снова они деревню не запалили. Да и в Уезд сообщить... Ох, ну дела, видать придётся снова своих отправлять к родителям, всяко спокойней.

– Дозор-то может и надо, только тайный. Ты бы, Савелий, подглядеть постарался, к кому он сюда хаживает? Ведь не за леденцами в лавку он сюда явился!

Задумался Баланов, даже про наливку свою позабыл, так и сидел за обедом, не глядя ни на домашних, ни себе в тарелку. Так и Степан сидел, хмурый да задумчивый, всё себя корил.

На другой день отправлял Баланов семейство в город к родне, недовольная Софья Алексеевна на мужа сердилась, но не ослушалась, собралась сама и детей собрала. Машенька сидела рядом с матерью в бричке и со слезами махала платочком провожающему их отцу и Степану. Тут же и сам урядник с доносом собрался в управу, наказав старосте держать ухо востро.

– Ну, Степан Фёдорович, благодарствуй за работу, вот тебе расчёт, сколь и договаривались. Домой вертайся да оглядывайся, мало ли что, – наказывал он Степану, – Бог даст, ещё свидимся, наведаюсь я опосля к тебе на выселок!

Перед отъездом восвояси Степан заглянул к Ефиму, узнать новости да упредить их, ведь тоже ребятня там мал-мала меньше. Хмурился Ефим, слушая Степанов рассказ:

– А я ещё голову ломаю, чего это староста наш мужиков собрал, кто покрепче да посе-
рьёзней. Сказал -дозором будем сидеть, кто на колокольне, а кто на старой мельнице у ручья.
Вон оказывается какая в том причина! Только я думаю, что надо тогда ещё и в переулке кара-
улить, где ты душегубца этого встретил, ежели там он объявился... м-да, к кому же он ходит
сюда, нарядный! Вот вопрос!

В обратную дорогу Степан собрался не один. Ефим, страшась за семью, собрал жену с
ребятишками и отправил со Степаном в Богородское гостить у деда Архипа.

– На Богородское они побоятся задираться, – негромко говорил Ефим Степану, – Село
большое, наемдни сказывали, что там тайно полиция разместилась. Может сочиняют, конечно,
но там всё равно спокойнее, чем у нас тут. Вона они, болота то, краем к самой околице подхо-
дят... Ты, Стёпа, побереги моих в дороге, я сам недели через две приеду, как старостов дозор
отслужу.

До Богородского доехали спокойно, хоть Степан и извёлся в дороге от беспокойства и
постоянно вертел головой по сторонам, прислушивался и приглядывался. Но время было днев-
ное, народ нет-нет да и появлялся на дороге из Ярмилино и обратно. Поэтому Степан обрадо-
вался, когда с холма показалось раскинувшееся Богородское.

Дед Архип тоже обрадовался, когда во двор въехала телега, Ефимова ребятня высыпала
обнимать деда и Степан заулыбался, так приятно было это видеть.

Домой, на Бондарихин выселок Степан отправился только через день, дед Архип ста-
рался задержать его и убеждал, что сейчас одному в глухом лесу сидеть небезопасно, но Степан
ничего не мог с собой поделывать, не оставлять же дом покинутым...

– Дедо, надо бы всё вывозить понемногу, – отвечал Степан на увещевания деда Архипа, –
Инструмент Ивана, да и прочее добро. Скоро весна, а как распутица пройдёт, тогда и я стану
в путь собираться. Не оставлять же там всё, растащат! Давай будем потихоньку-помаленьку,
к тебе да к тётке Агафье перевозить. Добрым людям достанется, а не каким татам! Я и свой
инструмент у тебя стану оставлять, так надёжнее, как в работу ехать, так буду к тебе заезжать
и брать, что надо. А то не хорошо это, когда я в отлучке – дом пустой стоит, нет догляда, мало
ли...

На том и уговорились, с той поры дед Архип стал приезжать в дом покойной сестры чаще,
оставался с ночевой. Они со Степаном перебирали Иванов инструмент, да прочее хозяйство.
А вот вести Архип Гаврилович привозил тревожные...

– Сказывает наш староста, под Липовкой потрепали молодцев-то Микитиных здорово, –
зажигая лучину негромко говорил он Степану, – То ли выследили с Ярмилино-то, когда Бала-
нов в Уезд донёс, то ли ещё как, а укараулили их. Там, под Липовкой, болото не такое топкое,
места повыше, рощи липовые потому там и разрослись. Так вот, они, разбойнички-то, видать и
сами от сырости устали, али на зиму там обосновались в землянках. Вот там их и застали, мно-
гих побили, каких-то поранили, конечно, живыми в уезд-то отправляли, к тюремному лекарю.
А только не всех взяли, упустили тех, по ком давно острог-то плачет! Микита сам, да самые его
верные сподручники ушли, как испарились. То ли болотом, то ли ещё как, а только укрытие
у них видать ещё где-то есть. Ищут, конечно, как же. Вот только найдут ли, нет ли! Микита
этот поди всё уворованное подсобрал, да и был таков! Станет жить на денежки ворованные,
кум королю!

– Может найдут, – отвечал Степан, выводя на малой досточке узор, – Куда с этих болот
им деваться, ведь дорог не так и много, и почитай на каждой дозор стоит, да не один. Я давеча
к тётке Агафье ездил, так по дороге раза три меня дозор окликал, проверял.

– Так-то оно так. Да только уж больно он хитёр, чёрт рогатый! А в Золино, за Липов-
кой-то, сказывают, дозор-то прибили, всех положили, душегубцы...

Так и жили гудела округа то страшными, то странными новостями, Степан уже и при-
вык к тому, что болтают разное, а что там правда – кто знает. Весна уже чуть разгулялась,

на полянах появились тёмные проталины, земля дышала на солнце, отдавая талую воду. В болота, окружавшие и Погребцы и Бондарихин выселок, начали стекаться маленькие ручейки, речушка вскипела сизыми льдинами и налилась начавшимся половодьем.

Степан ждал погоды, когда дороги просохнут и можно будет отправляться в путь. Хотя и горько ему было покидать выселок, и дом, который обогрел его и приветил, и людей, которые стали ему семьёй, а всё же волнительно было и радостно... Пускаться в путь ему теперь было не так страшно – Архип Гаврилович свёл Степана с купцом, державшим магазин в Богородском, тот как раз тоже собирался за товаром, да не один, а дружной ватагой. И охрану себе брали, чтоб не боязно было, вот с ними и уговорился Степан добратся до тракта, а там и дальше, куда будет по пути.

Долго думал Степан о своей жизни, советовался с дедом Архипом, с Макаром и Ефимом, да и решил, что правильной была та задумка -побывать на родной сторонке, да и вернуться обратно. Только вот захочет ли матушка ехать на чужбину, сможет ли дорогу дальнюю осилить... Степан почему-то был уверен, что матушка его жива, страшился думать другое!

«Расскажу, как здесь у меня дела идут, вон как много на работу зовут, – думал Степан, лёжа на лавке и закинув руки за голову, – Теперь лето, станут дома справлять, кто по зиме сруб поставил да «выветривал» до лета. Значит плотнику всегда работа будет, и резьба у меня получается всё лучше, тоже заказов будет. Вон, уже пришлось двоим отказать, сказать, что уеду. Может матушка и согласится, коли не шибко слаба стала...»

Степан уже засыпал в своих думах, когда во дворе раздались шаги. Он уже привык жить в окружении леса, когда вокруг только его звуки, а теперь... Это шёл человек, шёл тяжело и шатко!

Глава 17.

Степан поднялся с лавки и осторожно выглянул в окно. На дворе была уже ночь, луна на небе светила тускло, укрывшись сероватой пеленой облаков, её мутный лик не мог пробиться сквозь облачное одеяло и осветить землю. Но приглядевшись Степан всё же у видал, что от калитки к крыльцу идёт человек. Хромая и опираясь на палку, человек озирался по сторонам, останавливался и прислушивался.

Человек с трудом поднялся на крыльцо и снова остановился, беспокойно вглядываясь во тьму, окружавшую одинокий дом на выселке. Раздался негромкий стук и приглушённый голос сказал:

– Хозяева, дома ли? Пустите путника заночевать!

– Кто там? – спросил Степан, нащупывая в темноте кочергу и сжимая её в руке.

– Заплутал я, мил человек, – отозвался из-за двери глуховатый жалобный голос, – Не оставь волкам на съеденье, пусти хучь бы в хлев али амбар, коли боисся. Не обеспокою тебя, по утре уйду, я к родне иду в Ярмилино, с Липовки. Приплутал вот, ногу порвал себе... Ох...

Степан понимал, что выхода у него и нет, кроме как отворить. Хоть и не шибко верил в то, что говорил ему припозднившийся путник, а всё же... Когда-то и его, почти бездыханного спасла названная матушка Марья, хоть и приняла его тогда за разбойника. Так ужли он человека бросит на дворе. Подумал, ружьё бы зарядить, да нечем, как на грех.

Скрипнул на двери отпираемый Степаном засов, сам он покрепче сжал в руке кочергу и прислушивался, но за дверью было слышно лишь тяжёлое с пристоном дыхание.

Степан отворил дверь и шагнул на крыльцо, гость его стоял на верхней ступени лесенки, опираясь одной рукой на палку, а другой держась за перила. При свете мутной луны лица его под надвинутой на брови шапки видно не было, на плече у гостя висел небольшой дорожный мешок.

Степан открыл было рот, чтобы приветить гостя, но тут ему в бок упёрлось холодное ружейное дуло и негромкий, такой знакомый насмешливый голос сказал:

– Ну что, хозяин, принимай гостей!

Дрожь пробрала Степана до самой макушки, голос Захара он узнал бы и через сто лет. И вот теперь он стоял у крыльца, прислонившись к стене за оконной ставенкой, усмехался своей ухмылкой и упирал ствол ружья Степану в бок.

– Ты, хозяин, не бойсь, коли нам поможешь, мы тебя не обидим, – сказал тот, кто стоял на лесенке, и теперь, когда он заговорил громче, Степан узнал Микиту-Кутерьму.

– Ну, ступай в избу, да кочергу-то дай-кось сюды! Есть там у тебя ещё кто? – резко сказал Захар и ткнул дулом ружья Степану в рёбра, – Как положено путников угости да приветь, тогда может и в живых тебя оставим.

Они вошли в избу, Степан зажёл лампу и всё ждал, когда же эти двое распознают его. Но Захар сразу же кинулся осматривать дом, есть ли здесь ещё кто-то. А Микита устало опустился на лавку у двери и отложил свою палку. Нога у него была замотана окровавленной тряпкой, он морщился от боли и потирал озябшие руки.

– Давай, что в печи, всё на стол мечи! – хохотнул Захар, он хоть и перехватил ружьё, но всё же из рук его не выпустил, – А что, есть у тебя чем рану обиходить товарищу моему, а? А?... Так это ты!

Захар прищурился и подошёл ближе к Степану, который стоял возле стола и исподлобья глядел на своих гостей, раздумывая о том, как бы ему кинуться и достать под шестком топор.

– А, это ты, чёрт!... Ну же я тебя... по кускам разберу, – голос Захара охрип и низко раздавался под сводами избы, – В этот раз до кровавой пены... не выбересся, о смерти скорой молить станешь...

Он надвигался на Степана, достав из-за пояса короткий клинок. Степан стоял, глядя в сверкающие злобой глаза и приготовившись встретить врага... крови которого он тоже жаждал!

– А ну, стой! – грозно крикнул Микита и с трудом поднялся, – Охлонись, я сказал! Вы чего, сдурели что ли?! Ну-кась, я сказал!

Захар ощерился, дыхание его было прерывистым, тяжелым... но всё же он повиновался окрику своего главаря, хотя это далось ему с великим трудом. Ноздри раздувались от лютой злобы, рот разъехался в хищном оскале.

Степан же глянул мельком на Микиту, опустил голову и отошёл ближе к печи, не выпуская из виду Захара.

– Нашли время, кулачный бой устраивать, – Микита снова опустился на лавку, было видно, что каждое движение вызывает у него страдание и боль, – Захарка, охлонись, я сказал. Ты чего взвился-то?

– Ты чего, ослеп что ли?! – заорал Захар, вращая глазами и указывая Миките на Степана, – Ты чего, не признал его?! Мы его тогда с Прошкой-покойничком в болото кунали, как он выбрался, а?! Ты как выбрался, гад ползучий?!

– Не твоя забота! – проворчал Степан и сел на низенькую скамеечку у печи, шесток был совсем близко, только руку протяни, и вот он – топорик...

– И что за беда, с болота выбрался? – Микита устало потёр лицо, – Ты, Захарка, как пёс, будто с цепи сорвался. Угомонись, чего орёшь, как оглашенный! Ну, не утоп он, и чего?! Мы все в острогах побывали, не такое ещё видали! Ты, Захарка, поди того не знаешь, что он меня тогда в Ярмилино возле урядникова дома застиг, а ничего... не выдал! Это уж после нас старостов помощник укараулил, бес его раздери! Вот и началась наша напасть... нам сейчас помощь нужна, а ты орёшь, как баба на базаре!

– Ты! Говори, да думай, – проворчал Захар, но тон уже сбавил и на Степана не глядел, – А, как знаешь! Ежели решил ты голову сложить – дело хозяйское!

Захар сел в углу, поперёк себя положил ружьё и привалился спиной к стене, не спуская глаз со Степана.

– Ты... как тебя звать, добрый человек, запомнил я, сколь вас таких бывало, – ласково спросил Микита, глядя на Степана, – Ты не страшись, Захарка у нас любит пошуметь, ничего он тебе не сделает, покудова я не прикажу! Сказывали нам, что тут на высылке бабка живет, лекарство ведает. Так ли это?

– Было так-то, – хмуро отозвался Степан, – Преставилась Марья Тимофеевна. А лекарство знала, меня вот выходила, дай же ей Боже Царствия Небеснаго!

– А ты?

– Чего – я?

– Ты ей что ли сродник, али кто есть? Тоже может ведаешь?

– Я не ведаю, – пробурчал в ответ Степан, – Я сам в остроге почитай половину жизни прожил! Ты коли оттудова, так знаешь, учат там ведовству, али нет!

– Давай его пришибём, да и делов! – прошипел Захар, – Чего ты с им цацкаешься! Да потом дальше двинемся, покудова эти псы не разнюхали, что мы тут!

– Да умолкни! – поморщился Микита, – Может вот, товарищ нам станет! Ты, Степан, не думай... Это Захар так, шумит. Дай-кошь тряпицу чистую, что ли, рану мне перевязать. Виш как оно вышло, остались со всей-то ватаги токма я да Захар! А было то нас... Кого собаки-ярыжки споймали, кто полёг буйной головою, а кто и убёг подале отседова, задумал жизнь переменить свою. Да и Бог с ними, что уж.

Захар поднялся, положил ружьё на лавку и направился к печи. Не глядя на сидящего рядом Степана, он взял ухват и поддел томящийся в тёплой ещё печи горшок с кашей. Шумно

втянув сытный дух, он огляделся в поисках ложки. Тут же сел за стол, поставив перед собой горшок и нимало не глядя на Микиту и Степана, стал жадно есть.

Степан поднялся со скамьи и добыл из печи другой горшок, с вечера поставил томить чай на травах, после открыл сундук и достал чистое полотно.

– Сымай, чего там у тебя. Я не смыслю во врачевании, так хоть омоем, – хмуро сказал он Миките.

По избе разнёсся нехороший дух свернувшейся крови, грязи и гнили. Степан подумал, что дела Микиты скорее всего плохи, нога его потемнела, широкая рана словно бы вывернулась наружу рваными краями. Марья Тимофеевна как-то такое лечила, Степан видал, у одного охотника с Погребцов такая хворь приключилась, поранил он ногу в лесу, после в болото провалился. Бабушка Марья тогда сказала, что у него «антонов огонь» сделался, и отправила его к уездному лекарю, где охотнику ногу и отняли по самое колено.

Микита и сам похоже чуял, что рана его плоха, повернулся спиной к Захару, скрывая от того ногу и подставляя ее над ушатом, поставленным Степаном.

– К лекарю тебе надо, – пробормотал Степан, – Знахарство никакое тебе не поможет.

– Ладно, поглядим, – тихо ответил Микита, – А ты тут что, один теперь остался?

– Один. Родня редко бывает в гости. А тебе кого надобно?

– Не заявятся никто по утру-то? – усмехнулся Микита, – А то Захарка их пристрелит, как зайцев. Ладно, не серчай. Так тебя как звать-то, мил человек?

– Степаном, – буркнул Степан, его мутило от гнилого запаха, он подобрал грязную тряпку, которой была обмотана Микитова нога и собрался было выйти на двор

– Куда?! – заревел Захар, отбросив ложку, – Ты чего на его рассусоливаешь?! – он злобно глянул на своего товарища.

– Да ладно тебе, куды он девается, – махнул рукой Микита, – Ты, Степан, вот что... Болота тутошние знаешь ли?

– Смотря чего вам надобно, может и знаю, – проворчал Степан и сказал, глядя Захару в глаза, – Ну, тогда ты сам ступай на двор, кинь это куда подальше. Или мы тут все передохнем от гнилого-то духа!

– Иди давай сам! – буркнул Захар, – Я отседа за тобой пригляжу!

После Микита с трудом поднялся и опершись на палку дохромал до стола. Усевшись там, он кивнул Захару, чтоб тот дал ему воды, а после снова пристально глянул на вернувшегося со двора Степана.

– Ты же сам с острога! Неужто тебе не тошно от этих ярыжек и прочего сброда? Неужто не хочется хоть опосля мучений как человек пожить?

Степан молчал и сидел у печи, в ней теперь трещал огонь, и он угрюмо помешивал уголья кочергой.

– Проведи нас через болота! – сказал Микита, – Ведь ежели ты бабки-ведуны сродник, то поди все дорожки тут знаешь! Потому и с болота тогда выбрался, знал, чего делать и куды идти! Выведи нас на большую реку, что за болотами, в обход дозоров! Я за то тебе денег дам столько, что не у каждого купца в казне есть! Избу себе в Уезде купишь, дело какое поставишь! Видать это твоя-то бабка тогда в лесу нам с Лёнькой-висельником встретила, ехала она в Погребцы, а мы с добычей ей попались, шли на схрон свой! Не ко времени она нас увидела тогда, старая! Мы и её тогда... просили нас сквозь болота отвести... да только она нам отказала, ну и пришлось Лёньке ей погрозить, да тока карга старая раньше Богу душу отдала, покуда мы её уговорили! Ты, Стёпа, не думай, за бабку твою я после Лёньке самолично отплатил – прибил его, горемычного, да в болото кинул.

Захарка засмеялся, Микита вторил ему, а Степан понял, кто же тогда напугал Марью Тимофеевну, из-за кого не сдюжило её доброе сердце.

Глава 18.

– Ну, что скажешь? – пристально глядя в лицо Степану спросил Микита, – Хучь, ежели подумать, чего тут выбирать! Либо ты нас ведёшь, либо голову свою тут и сложишь. Что, поди ведь жить-то охота?

– Чего ты его спрашаешь! – прорычал Захар, – Прикажем и пойдёт! А не пойдёт, так его дело, на том свете свидимся!

Микита укоризненно посмотрел на Захара и покачал головой. Тот замолк, но злобного своего взгляда не погасил. Встал со скамьи, пнул ногой кованный сундук и откинув крышку стал рыться внутри. Степан глядел на это и думал, как же хорошо, что он догадался много раньше увезти из дому всё ценное, отдать деду Архипу и тётке Агафье на сохранение.

– Ладно, ты покуда поди-ко, Степан, баню нам справь. Сам видишь, устали мы, промёрзли да промокли. Одежу бы поменять, подыщи, что есть годное, да и сам соберись. Не хочу грозить собрату, всё же мы с тобой одного поля, но тебе и вправду деваться некуда. Завтра с утра отправимся, а покудова – отдохнём, подкрепимся да выспимся. И не глупи, жизнь, она дороже.

Степан вышел на двор и осмотрелся. На улице только начало светать, рассвет забрезжил тонкой кромкой над горизонтом. Обернувшись, он увидел, что на крыльце стоит Захар с ружьём в руке и пристально за ним наблюдает. Пожав плечами, Степан подумал, что словно бы и вернулись к нему острожные-то времена, догнали его и здесь, да делать нечего, всё от него самого теперь только и зависит. Растворив двери старенькой баньки, он набрал охапку поленьев и стал растапливать печь.

– Что стоишь? – сказал он Захару, – Раз уж зовёте меня к себе в сотоварищи, так бери ведро да пойдём на колодец, пособилай воду носить! А в лакеи я к вам не набивался и не пойду, хватит с меня, в остроге сколь на услуженье был, еще и тут! А нет – так можешь меня тут пристрелить, на другое я не согласен!

Захар хмыкнул, но ружьё опустил, а когда за его спиной показался опирающийся на палку Микита, который что-то негромко ему сказал, так и вовсе скривился, но послушаться не посмел. Взял вёдра и пошёл следом за Степаном к колодцу.

А Степан всё думал, куда же это девается вся Захаркина весёлость да добродушие! Ведь каков лицедей – на ярмарке так только и шутил, добряк-добряком, щипал за бока торговки да отпускал прибаутки, а вон, гляди-ка, какая личина являлась миру, когда был он, Захар, тут настоящий!

Когда баня была готова, Микита кивнул Степану и лишь мельком глянул на Захара, который с недовольным видом сидел на крыльце накинув на плечи зипун.

– Самому мне не управиться, – сказал Микита Степану, – Уважь гостя, напарь косточки. А Захар нас покудова покараулит.

Степан хотел было сказать, что такой «охране» он не верит, но смолчал. На самом деле, почему бы Захарке не приставить к двери бани полence, да не убраться куда подальше одному... Хотя, может статься, думал Степан, замачивая в ушате веник, дело тут в награбленном богатстве. Не так глуп этот Микита-Кутерьма, чтобы такому как этот Захар, доложить, где запрятано добро... ведь не зря Микита упомянул, что даже товарища своего Лёньку прибил. Не за бабушку Марью, конечно, как он говорил Степану, а скорее всего потому, что тот знал то место, где вся добыча схоронена.

Может потому и растянулся теперь Микита так спокойно на устланном соломой полке, вдыхая берёзовый парный дух.

– Ты, Степан, не думай худого, я ведь от сердца тебя в сотоварищи зову и не лукавлю, – говорил Микита с придыханием, – Мы, острожники, вместе должны держаться, али ты сам того не понял? Что, хорошо ли, по-доброму ли на тебя народ глядит, узнав, откуда ты? Верят

тебе, привечают в доме гостем дорогим? Нет! Все от тебя только худого ждут! И никто тебе не поможет, окромя таких же, как и ты сам! Вот и я это понял, когда в мир-то попал. Никому я не нужен, так вот упадёшь, а как увидят, что ты острожник, каторжанин, так и бросят тебя подыхать в канаве, как собаку. Ты думаешь, от чего Захарка такой злой? Не злой он, а людьми обиженный, вот что! Потому я и зову тебя с нами! Человеком станешь, а для этого что только и нужно – деньги да богатство, по им теперь люди душу человеческую меряют, хороша она или плоха!

Степан молчал, охаживая Микиту веником. Хотел было сказать ему, что недолго тому осталось по белу свету на двух-то ногах ходить. А ежели не попадёт к лекарю, так и вовсе ждёт его в скорости жестокая смерть... Рана на ноге была плоха, очень плоха...

– Тебе надо к лекарю, вот что, а не про болота думать, – пробурчал Степан, – Помрёшь ты, понимаешь нет? Я видал такие раны, бабушка и лечить не бралась, нет на такой недуг травок-корешков, надо в город.

– Ты вовсе дурак?! – яростным шёпотом ответил Микита, поглядывая на дверь, – Ты это при Захарке не вздумай больше говорить! Он ежели только заподозрит, что я... Ни мне, ни тебе живу не быть! Молчи лучше, да соглашайся, что прошу – делай! Я обещанного назад не заберу! Вот перейдём через болота, там и к лекарю, за деньги меня всяк примет! И тебя отблагодарю щедро!

– Дозволь хоть лошадь к сродникам отвести, в Липовку, ведь недалече, – попросил Степан, – Не оставлять же тут. По болоту она не пройдёт, а тут оставить... на голодную смерть, душа не позволит. Дозволь, не сбегу я никуда, с вами пойду!

– Ладно, поглядим, – ответил Микита, – Давай парку, сам парься, а я покуда полежу.

Микита закрыл глаза, лицо его было бледно, а дыхание тяжело, и Степан подумал, что смерть идёт за ним скорее чем тот думает. Уже стоит за плечом и усмехается тому, слыша, какие резоны у Микиты на будущее...

После в баню пошёл Захар, но двери не запер, и всё поглядывал, сидит ли укутанный в зипун Микита на крыльце, караулит ли его самого. Быстро омылся, париться не стал, да и выскочил обратно, с опаской поглядывая на раздувающего самовар Степана.

– Захар, ты опосля проводи товарища нашего, ему надобно лошадь в Липовку свести. Не пропадать же животине, раз он надумал с нами идти! Вот и товарищ наш новый, верный! А, Захар?

– Вот ещё! Делать мне нечего! – пробурчал Захар и с опаской покосился на Микиту, у которого поперёк колен лежало ружьё, а второе, которое они нашли в избе и ранее принадлежащее хозяину дома Ивану Михеевичу, стояло рядом у перил, – Думаешь, я что ли не устал, отдохнуть не хочу, гонишь меня опять!

– Ладно, ты поспи, отдохни покудова, время-то ещё ранее, – примирительно сказал Микита, – А опосля и сходишь, тогда и я посплю. Нам тут засиживаться нельзя, того и гляди кто-нибудь да нагрянет проведать выселок...

– Самовар вскипит, траву тебе сварю, полегчает маненько, – сказал Степан, – Бабушка Марья её варила, сама и собирала-готовила.

Он стал перебирать в сенях душистые пучки, развешанные на стене, и слышал, как Микита тихо-тихо разговаривает с Захаром, стараясь, чтобы Степан их речей не услышал.

– Ты, Захар, не горячись. Умерь характер свой, пораскинь умом-то сперва, а уж потом ножиком маши. Мы и так всех ребят положили, растеряли, только двое с тобой и остались...

– Дак это и хорошо, – буркнул в ответ Захар, – Добычу делить проще – поровну разделим, да и разойдёмся в разные стороны. Мир вона какой большой, а когда деньги есть – ступай куда хош, и никто тебя не хватится!

– Хорошо-то оно хорошо, да только ведь сам пойми, – продолжал свой тихий уговор Микита, – У меня нога поранена, а нам через болоты пробраться надобно, там, по ту сторону

топей, нас и искать никто не станет! А ещё и поклажу с собой нести, тоже дело нелёгкое! Али ты один собрался по болоту тяжесть-то тащить, там ведь скока... сам помнишь! Так что помощник нам не помешает, особливо который тропу через болоты знает. А там... а там поглядим, чего дальше делать с им.

Последние его слова были сказаны совсем тихо, и Степан их почти не расслышал, только догадался, какая участь ему уготована новыми его «сотоварищами», которые хуже волков. Но виду он решил не подавать до поры до времени, зная, что осудят они его по себе, сами бы за посуленное богатство на это пошли, и от Степана ждут того же.

Поэтому, когда после бани сели пить чай, он достал завернутый в тряпицу каравай и спросил:

– А что, денег-то сколь ты мне дашь, друг Микита, коли я вас с болот выведу? На дом хватит ли? И чтоб скотину справить, подворье?

– Не бойсь, на два дома хватит, – хохотнул в ответ Захар, к которому чудесным образом вновь вернулась его весёлость, – И скотину купишь, важным человеком станешь! Только выведи, чтоб дозоры миновать и спокойно добраться.

– Тогда ладно, – кивнул Степан, – Мне и самому на высылке то надоело сидеть, почитай – тот же острог, только что один я тут. В город охота, а тут только вон волки и ходют. Ты, Захар, соберись тогда, до Липовки сходим, лошадку я оставлю сродникам, надо бы лучше в Богородское, но туда далече. Лошадка хорошая, справная, жалко оставлять на погибель.

Степан запряг Рыжуху в лёгкую повозку Марьи Тимофеевны и под присмотром Захара, который так и сидел на крыльце, укладывал в неё оставшийся инструмент, да ещё кой-чего из добра, понимая, что может такое случиться, не вернётся он сюда.

После отвара, который Степан приготовил Миките, тому стало немного легче, он стоял у перил и о чём-то тихо говорил Захару, а тот согласно кивал головой.

Солнце уже обогрело землю, когда Степан шёл рядом с телегой, держа в руках поводья, а Захар лежал в повозке и глядел в плывущие мимо облака.

– А ты вот скажи мне, Степан, ты на меня поди серчаешь, за то самое то... ну, когда я тебя с Прошкой на болоте едва не уходил...

– Жизнь такая, всякое в ней бывает, – ответил Степан.

– А ты тогда сразу бы согласился к нам в товарищи пойти, мы б тебя приветили, и пальцем бы никто не тронул. А ты, сам начал артачиться! Микита тебе правду говорит, человек он щедрый, коли поможешь – оплатит по совести!

– Так вы меня тогда и не так чтобы звали, – пожал плечами Степан, – Даже и не выспросили, может у меня дела какие были, я бы их справил и к вам! Сами поспешили человека на тот свет спроводить!

– Тоже верно! – усмехнулся Захар, – А я вот и рад, что ты сподобился выбраться! Ты мне тогда приглянулся, жалко тебя было, да Микиту не ослушаешься! Но ты это... в Липовку я тебя не могу пустить, пойми... А ну как надумаешь к уряднику али в управу донести?! Пусти телегу от околицы, лошадь сама к людям придёт, а мы обратно вернёмся. Нам поспешать надобно, потому как время не терпит! Да и тебя хватиться могут, а мне не хочется тебя снова на тот свет управлять! Что, согласен?

А Степан и сам не хотел в деревню идти, чтобы этому душегубцу не указать, которая изба Агафьи Тимофеевны. Да и как тут возразишь и ослушаешься, когда сидит «товарищ» твой на телеге с ружьём в руках да на тебя глядит.

Глава 19.

Захар пристально глядел, стоя за деревом и взвев на нового «друга» ружьё, как тот призывает поводыря к телеге, чтобы Рыжуха не завернула никуда по дороге и дошла до Липовки. Он знал, что умная Рыжуха без труда найдёт двор Агафьи Тимофеевны и не пропадёт. Вот только что и беспокоился он, что за саму тётушку... Когда придёт Рыжуха, без седока, о нём забеспокоятся, и как бы Агафья не отправила на выселок своего мужа, старого Николая, или кого-то из трёх своих сынов. Тогда уж будет им всем несдобровать, Захар безумный, нет у него ни жалости, ни милосердия... он и Степана бы ни за что не пощадил, коли не думал бы теперь с его помощью пройти через болота. Туда, где полноводная широкая река несла на север свои воды и шумел большой город.

Там можно затеряться среди людей, отправится дальше на юг, где тепло и не метут суровые зимы, не свистит порывистый ветер... Захар помнил те годы, что он провёл в остроге, и пуще всего, пуще любого охранника Кочергина, пуще его жестокого прихвостня Червины, который любил сечь острожников за любую провинность, и не надетый на ногу «мелкозвон»... пуще всего этого его донимал тогда злой холодный ветер и сырость. От которых никак не избавишься в стылых «колодничьих палатах»! Холод и сырость и теперь сопровождали его, когда вольной ватагой стал Захар ходить по краю с Микитой, желая «заработать» себе на будущую богатую жизнь. А «заработать» он мог только так, ибо больше ничего и не умел. Да и не желал уметь, а кроме того, ещё и считал, что этот мир в долгу перед ним, и потому свой долг Захар забирал, не считая жизнью!

Вот и мечтал теперь Захар забрать со схрона то, что награбили они с Микитиной ватагой, пройти через болота и затеряться, скрыться... Оказаться в тех краях, о которых ему Микита и сказывал, развалившись у костерка. Там реки тягучие и медленные, берега их одеты в шумную зелень камыша, а сады возле белёных хат с соломенными крышами щедры на сладкие плоды. И зима там не такая долгая, весна приходит пышным цветом, врывается в окна сладким духом яблоневого сада.

Ради этого, ради этой своей мечты, оказаться там, где солнце заливают широкую степь, долгую и бесконечную, Захар был готов на всё! Даже улыбаться приторно этому хмурому Степану, только бы он сделал своё дело, а уж после... После вовсе и не за чем будет отдавать ему то, что обещает Микита, уж сколь раз они так и делали, не этот первый, кто останется там, в чёрном болоте.

– Давай поторапливаться, Стёпа, – окликнул Захар своего нового товарища, который стоя на пригорке глядел, как умная Рыжуха топает напрямик к деревушке, изредка сдёргивая по пути зелёную листву с придорожного куста, – Надо вертаться, да в путь.

– Что, собираетесь в ночь выйти? – спросил его Степан, когда они торопливо зашагали обратно к Бондарихину выселку, – Не по уму это, болото коварное, чуть оступился и уже не выберешься, ты и сам это знаешь. А у нас ещё и товарищ пораненный, ему ночью-то как?

– Ничего, не такое бывало, – ответил Захар, – Однако ты прав, Миките с такой ногой далеко не уйти... Ладно, поглядим. Но и медлить невозможно, ты и сам знаешь – ищут нас, и до выселка доберутся. Надобно поторапливаться!

Когда они вернулись на выселок, дом встретил их тишиной и пустотой, Степан уже обрадовался было, может Микита всё же внял его уговорам и кое-как отправился искать лекаря. Ведь Степан понимал – разбойник ходит через боль, нешуточную, нестерпимую...

Однако ему едва удалось скрыть от Захара огорчение, когда он усмехнувшись негромко позвал Микиту, и тот отозвался откуда-то из глубины двора.

– Он никогда в избе не спит, – сказал Захар Степану, – Мало ли что... Ладно, давай что ли отобедаем да станем собираться в путь.

А у Степана на душе, что называется, кошки скребли... не так он думал покинуть этот дом, не таким своё прощание с этим краем представлял! И боязно было, и муторно... Собирая на стол скромный обед, Степан ругал теперь себя за то, что не послушал деда Архипа и не поехал жить к нему в Богородское, ожидая пока станет вёдро, и можно будет отправляться в путь! Вот тебе и попал, как кур в ошип, снова на болота отправится, да с кем?! С теми, кто его там чуть не ухоронил, а вот теперь уже и недолго там сгинуть, с такими-то товарищами... Но как ни ругал себя Степан, всё же было в его думах теперь другое, то, что придало ему силы и упрямо гнало туда, на черные болота.

Вечерело, тёплый весенний вечер распускал тени от высоких берёз и елей, окружавших выселок, когда Степан еще раз оглядел собранный в дорогу мешок, ощупал за пазухой короткого зипуна огниво и маленький образок, подаренный Марьей Тимофеевной на Рождество. Ну, теперь реветь поздно, подумал Степан, теперь как – либо пан, либо пропал.

Микита стоял у ворот, готовый в дорогу. После отвара, который готовил Степан, ему будто прибавилось сил, да и нога почти уже не болела... но вид раны был ужасен, несмотря на то что Степан накладывал на неё пропитанную какой-то пахучей настойкой повязку, и сизая бледность Микитино лица говорила Степану, что век того остался недолог. А сам Микита радовался, может и в этот раз Бог милует, ведь сколь раз его ранило, сколь отметин он носит на своём теле, а ничего – живой.

Но Степан знал – то, что нога у разбойника перестала болеть, плохой признак. Хоть и немного он перенял от Марьи Тимофеевны про всякие лекарские дела и хитрости, а тот случай с охотником хорошо запомнил. Но теперь молчал, ничего не говорил ни самому Миките, ни Захару. Пусть радуются, покудова можно...

– Ну, в путь, – сказал ему Микита, – Пошли, Захарка нас догонит, чего-то там замешкался. Поди помолиться перед дорогой-то решил! – Микита рассмеялся, и этот смех Степану не понравился.

Он молча шагнул за ворота и посмотрел на капельник, там теперь была и его работа – он изукрасил оголовок над воротами своей резьбой, и теперь душа его с тоской оставляла этот приют, его обогревший. Однако Микита подгонял, и они двое зашагали по дороге, навстречу заходящему за лес солнцу.

Вскоре их догнал и сам Захар, за спиной у него был увесистый мешок, два ружья и баклага с водой. На голове красовался новёхонький Степанов картуз, который Захарка нашёл в сундуке и без зазрения совести присвоил, как делал это всегда. Чего ж теперь-то стесняться?!

– Ты что же, эдак по прохожей дороге и решил нас весть? – рявкнул он на Степана, – Надумал нас продать?! Дак уж и тебе живому тогда не быть, так и знай!

– Чего ты мелешь! – сердито огрызнулся Степан, – Сам тогда и веди, покудова дорогу знаешь! Сейчас на тропу свернём. Вон там в низине по оврагу пойдём, никто нас не увидит! Да не бузи, я тоже не лыком шит! Коли что, дак сам тебя пришибу да в овраге кину, волки доедят! Я не за кривой глаз в острог то попал!

Микита рассмеялся, ему ответ Степана пришёлся по нраву, а Захар на удивление притих, замолк и только недовольно повертел головой.

– На-козь, возьми ружья-то, – проворчал Захар и подал ружья Степану, – Что я всё сам должен волочь?! Да не дури, они не заряжены, я же не вовсе дурной!

Степану стало нехорошо, ох и доля ему выпала, врагу такой не пожелаешь. Когда они сворачивали в овраг, Степан обернулся поглядеть назад в каком-то душевном смятении, и обмер...

Над лесом, там, где остался Бондарихин выселок, поднимался в небо столб дыма. Не широкий ещё, видать только занялось, но было ясно, что возвращаться теперь Степану будет некуда.

– Запалил! Ах ты гад, душегубец проклятый! – не видя ничего перед собой, Степан отбросил свою ношу, кинулся на Захара и повалил на землю не ожидавшего такой выходки противника.

Они катались по земле, лущуя друг друга и изрыгая громкие ругательства, прелея прошлогодняя трава и хвоя разлеталась во все стороны, а Микита зря кричал им разойтись, но никто его не слышал.

Захарка выхватил свой клинок, однако Степан упредил его и крепко ударив по руке выбил нож, и он широким лезвием полоснул самого Захара по плечу, отлетел и воткнулся в землю. Микита кричал, ругался и размахивал палкой, но противники сошлись насмерть. Тогда Микита поднял палку и примерился было, Степан поднял руку ударить в очередной раз в лицо Захара, тут и увидел над собой палку. Уклонив голову, он отпрянул от Захара, и удар тяжёлой суковатой палки пришёлся Захарке прямёшенько по лбу. Тот вскрикнул и обмяк, а Микита и Степан стояли над ним, глядя друг на друга.

– Ты чего, Стёпа?! Да подумаешь, изба! Ты из-за этого что ли? – начал увещевать Микита, – Да у тебя хоть пять таковых будет, да не где-то за халугой, а в большом селе, али Уезде! Ну, чего ты взбеленился!

За лесом разливался красный, тревожный закат, и Степан никак не мог унять злости. Ему хотелось кинуться на Захарку, прибить того, придушить, чтобы захрипел, чтобы ломались кости под ударами кулака... И Микиту, взять палку его, да отходить до крови за все страдания людские, ишь, смотрит, лыбится, заискивает, будто и впрямь друг...

– Ты... меня..., – захрипел Миките очнувшийся Захар, отплёвывая кровь из разбитого рта, – Не этого халуя, а меня, палкой...

Он тяжело дышал, кровь заливала его рот, струилась из свёрнутого на бок носа. Он не глядел на Степана, а не сводил глаз с Микиты.

– Да ты что, я ж ненароком! Хотел вас разнять, по спинам огреть, а вы же сцепились, – затараторил Микита, отступив на шаг от Захара и поглядывая на злого Степана, видно было, что он опасается их обоих.

– Ладно, побарагозили, и будя, – сказал Захар, отирая лицо и подымаясь, – Ты, Степан, на меня не серчай, опосля мне ещё спасибо скажешь! Все станут думать, что тебя разбойники-душегубцы погубили и выселок сожгли! Героем станешь, молва пойдёт о тебе! Давай-кось, полей мне из баклаги, лицо омою, ох, и крепок у тебя кулак!

– Вот и ладно, чего нам делить! – говорил Микита, у которого в глазах не гасла тревога, а голос подрагивал, – Идти надобно, а вы тут... Ну, оmyвайтесь, я покудова передохну, нога разнылась!

Степан с трудом унял дрожь в руках и ногах, сердце исходило тёмной злобой, он лил в Захаровы ладони воду из баклаги и старался не глядеть на его затылок, которой так хотелось размозжить...

– Сперва нам надобно к старой заимке завернуть, – сказал Микита Степану, – Дорогу туда я знаю, покажу. Там заночуем, туда никто не сунется, а уж оттудова ты нас выводить болотами и станешь.

– Так вот где ты всё добро наше ухоронил, – протянул Захар, закидывая за спину свой мешок, – А врал, что на старой копи, ишь ты, хитрец.

– Потому и сохранно, что никто не знает, где оно ухоронено, – усмехнулся Микита, – Вот ты не знал, и хорошо, а теперь пора пришла, тогда и узнал. Теперь не на три дюжины душ, а на троих всё поделим, худо ли?

Степан молчал. Невмоготу было глядеть, как радуются эти душегубцы, что политое кровью да слезами чужое добро им удалось сохранить и делить с ватагой не пришлось... ну да ладно, думал он, поглядим ещё, как кривая дорожка выведет!

Глава 20.

Степан шёл не оглядываясь, поспевают ли за ним его спутники, но слышал за спиной натужное дыхание Микиты, и сопение Захара.

Солнце за эти дни ещё не успело просушить налившийся талой водою лес, мох под ногами то и дело чавкал и оставлял в следе маленькую лужу. Болота кое-где выползали к пригоркам, взбодрённые талой водой, Степан старался обходить опасные места стороной. Он не знал пути к старой заимке, только слышал о ней от того самого охотника, который к Марье Тимофеевне лечиться бывал, и теперь шёл по приметам. Он страшился, что его спутники поймут, что никакой он не сродник старой знахарки, и мест этих не знает вовсе! Ни одной тропы он не может найти в этих чёрных болотах, да и искать таковые он не собирается. Но всё же до поры ему надобно остеречься. Уже давно опустилась на землю ночь, но, на счастье путников, небо было чисто, и яркая, полная луна освещала им путь.

А спутники его словно ошалели и на Степана почти не глядели, даже бдительный Захарка теперь радостно ухмылялся и пребывал больше в своих думах, чем наблюдал за проводником. Видать, блазнилось ему теперь, как перейдёт он через болота, обойдёт дозорных, да и уберётся от сих мест подале! Станет важным человеком, двор себе заведёт...

– Пойдите... пойдите..., – задышавшись прохрипел Микита, – Давайте чуток... отдохнём. Невмоготу мне...

Степан остановился, огляделся по сторонам и сбросив ношу с плеча уселся на поваленное дерево. Захар сделал то же самое, и подал Миките баклагу с водой.

– Что, далече ещё идти? – спросил Захар, – У меня тоже спина трещит уже, по кочкам этим... того и гляди заведёт нас этот... в болото.

Степан исподлобья посмотрел на Захара и хотел было ответить ему грубостью, потому что в ночи тоже не мог найти дорогу, он уже давно шёл наугад, но на его счастье тут заговорил сам Микита:

– Не заведёт, я тут бывал. Мы с Лёнькой тут шли, только вона, по низине, тогда ещё земля подмёрзла, болота были не страшны. А теперь нас Стёпа выше ведёт, по гребню, а заимка, вон она, тама, – Микита указал рукой направление, и Степан незаметно вздохнул с облегчением.

– Так что зря ты, Захар, на товарища нашего наговариваешь, – усмехнулся Микита, – Никому не веришь, старый ты чёрт!

– Жизнь така, – усмехнулся Захар и привалившись к стволу дерева прикрыл глаза.

– Нога болит, – негромко сказал Степану Микита, – Дай испить, чего в доме давал, вроде мне помогает лечение твоё.

Степан добыл из своего мешка маленькую баклажку и подал Миките, а сам покачал головой, не помочь уже ему травами да настойками.

– Помогает, говоришь? А чего делать станешь, когда и эта закончится? – Степан кивнул на баклажку, – Товарищ-то твой все травы да корешки пожёт.

– Да и Бог с ними, чего ты поминаешь! Выберемся за болота, я к лекарю пойду, поправит. На мне и не такое заживало, – усмехнулся Микита, лицо его в свете луны было иссиня-белым, – Но твою доброту и помощь, Степан, я не забуду, не думай.

– Идти пора, чего сидеть, – помолчав, добавил Микита, – Зябко, ночи ещё стылые, а мне... сейчас неохота ещё и лихоманку схватить. Захар! Эй, Захар, ты заснул что ли?!

Теперь, когда Микита сам того не ведая указал Степану путь к старой заимке, тот ошибочно угадывал дорогу, всё же опасаясь в ночи пропустить землянку. Охотничья заимка некогда была пользована часто, который-то охотник шёл сюда за добычей, но после болота отвоевали себе часть этого сухого островка, чёрная вонючая вода подступила ближе, поглотив чистый ручей, бегущий с небольшого холма. И заимку забыли, стали ходить дальше за

Липовку, там местность подымалась над болотами, потому и зверь ушёл туда. А землянка почти полностью ушла в землю, крыша её поросла мхом и травой, только старая покосившаяся и частично порушенная печная труба выдавала местонахождение.

Вот её-то и увидел Степан, и мысленно пожелал всех благ и здоровья тому охотнику, что так подробно рассказывал о своём неудавшемся походе, стоившем ему ноги.

– Вон заимка ваша, – пробурчал он и глянул на Микиту.

Тот обливался потом, но по телу его шёл озноб, дрожь пробивала его всего так, что укрыть её от пристального взгляда Захара он уже не мог.

– Ну, и где вы с Лёнькой добро схоронили? – насмешливо глядя на Микиту, спросил Захар.

– А вона, схоронили... – задыхаясь ответил Микита, – Виш, пригорок, на котором камни замшелые? Вот, его-то поди уж теперь и сам Лёнька-покойничек стережёт! Его-то я вона в той трясине оставил, давай-ка, Захарка, покличь, мабудь и явится на зов, покойничек-то! Ночь вона какая, лунная, страшная!

– Да ну, тоже чего придумашь! – проворчал Захар и вдруг перекрестился, искоса поглядывая на край болота, куда указал Микита.

– Стёпа, затопи хоть печурку, обогреемся, – ласково проговорил Микита, – Чутка передохнём, по утру заберём добро и в путь отправимся. Прибрал Бог Лёньку, а я его добром поминую. Да, а как же...

– Да чего – добром, – ощерился в ухмылке Захар, – То ты его и прибил!

– Ну, скажешь... прибил. Да, пришлось, вот и прибил. А коли бы ты со мной пошёл схорон-то делать, так я бы и тебя прибил – чтоб не выдал, если вдруг что... А ты, Захарка, на меня тогда ещё шибко ругался, что я тебя не взял, а Лёньку позвал. А я тебя пуще Лёньки-то берёг, а ты не понял! Вон, лопата моя в углу так и стоит, завтра пригодится! Дай мне, Стёпа, водицы испить, да я лягу, сосну маненько, силы набраться надо!

– А ты говоришь – любил Лёньку, – ворчал Захар, развешивая на жерди у печи свой зипун, – Ты его и добро выменивать посылал, к уряднику Золинскому, который нам продан, собака! Там же его прибить могли!

– Могли, – улегшись на деревянный топчан, ответил Микита, – Так не прибили же! А урядник... хоть и собака ненасытная, всё больше и больше просил, но ведь это он нам помог... что мы всё добро на золото выменяли, и теперь не с возами через болота пойдём, а с двумя мешками. Ты, Захарка, как думаешь, чего человеку легче унести? Денег мошну, али покраденного барахла воз?! Вот и помолчи, раз тям нету. Всё, дайте поспать. Да не забывайте – по одному в дозор...

Степан молча подкидывал припасённый кем-то хворост в печурку, которая дымила нещадно. Он приоткрыл немного дверь, чтобы дым хоть так выходил наружу, и приметил, что Захар всё так же не сводит с него пристального и недоверчивого взгляда.

Микита заснул. Тяжёлое его дыхание перемежалось со слабыми стонами, оба его товарища понимали, что дорога эта даётся ему с великим трудом.

А Степан всё думал, это как же надо любить золото, чтобы ради него быть согласным лишиться ноги, а то и самой жизни...

– Иди ты первый карауль, – сказал ему Захар и потёр ладонью лицо, – Ты у меня в должниках, вона как лицо мне раскровил! Теперя вон и зуб шатается!

– Пойду, чего не пойти, – кивнул Степан, – Ружо давай мне, мало ли чего...

– Ещё чего попросишь! Ружо! – огрызнулся Захар, – Обойдётся! Ежели чего – ори.

Степан пожал плечами, запахнул поплотнее свой зипун – ночь и в самом деле выдалась стылая – и вышел из землянки. На свежем воздухе ему было лучше, затхлый, болотный запах насквозь пропитал земляной пол в старой избушке, и Степану было от него тошно, вспоминалось, как нахлебался он черной тины по самое горло... ну да ничего, осталось только подо-

ждать, когда и Захарка заснёт, подумал Степан и привалился к стволу кривого дерева, в которое своим чёрным боком оперлась старая землянка.

Ан нет! Не так глуп был ушлый Захарка! Не успел Степан и дух перевести, как выскочил Захарка из землянки, как заполошный, да и стал искать Степана глазами!

– Ты... А, вона ты где, – сказал Захар, узрев Степана в свете яркой луны, – Не спится мне чего-то... С тобой что ли посижу.

– Чего обоим-то сидеть, – буркнул Степан, – Я тогда сосну маненько тут, а ты гляди карауль. Тебе всё равно сна нет!

– Заснёшь тут! А ты меня тюк по башке, да и в болото! Знаю, я вашего брата! – Захар сердито глянул на Степана и зябко передёрнул плечами.

С болот напознала сырость, стелилась по низине сизым туманом, кое где ещё лежали комья грязного снега, но в лесу и на болотах уже кипела жизнь. Ночная птица подавала свой жутковатый голос, откуда-то издали ей вторила другая, всё кругом пыхтело и оживало после зимней спячки.

– Может костёр заведём? – спросил Степан у своего «товарища», – Зябко, сыро, неохота залихоманить тут!

– Какой тебе костёр! – поёживаясь и кутаясь в отсыревший свой зипун ответил Захар, – Заприметят нас, ещё не хватало! Забыл, что нас ищут!

– Вон, виш дым над крышей, от печурки-то? Думаешь, его не видать издали? Гляди, какая луна, всё как днём видать.

– Надо бы тогда раскидать в печке-то, – проворчал Захар, уже поди прогрелось маненько. Плохо Миките... незнай как дорогу сдюжит... Ты, Степан... слушай..., – Захар понизил голос до едва слышного шёпота и наклонился к самому Степанову уху...

Глава 21.

– Слушай, чего скажу, – зашептал Захар так тихо, что Степан еле разбирал слова, – Миките далеко не убраться с его ногой, ты сам понимаешь, а может и чего похуже с ним случится! Дак а нам-то с тобой за что пропадать? Давай так... покудова он спит, ты его покарауль, а я возьму лопату и тишком выкопаю то, что он с Лёнькой-покойничком зарыл! После мы с тобой оставим ему одно ружжо, патронов сколь-то, а сами через болото уберёмся отседова подальше, а? Поровну всё поделим, там два кошель, Микита нарочно посылал своих ребят – добро, которое в цене, продавали, медяки да серебро сменявали когда в лавке, когда на постоялом дворе каком. Складывали червонцами, нести хоть и тяжело, а всё же легче кошель, не как медяки-то – мешком!

– Ты что же, бросишь своего товарища помирать тут? – спросил Степан, глядя в хитрое и сосредоточенное лицо Захара, – Я думал...

– Тихо ты! Он, чёрт, знаешь как хитёр! Ты ему не верь, не так он слаб, как прикидывается! Что ты думал? Что я за него голову готов положить? – шипел Захар, – Да ежели ему оказия такая выйдет, пришибёт он нас с тобой, да в болото кинет! Ты думаешь, он тебе обещанное отдаст, когда ты его через болота проведёшь?! И не надейся! Вся твоя награда будет – это нож под рёбра! Так и знай!

Степан молчал, опустив голову и не глядел на Захара. То, что сейчас сказал ему Захарка он и так знал, вот только у него другой резон был. Но не признаваться же Захару, что он и не собирается их вести через болото, да и вообще знать не знает, где тропа такая и есть ли она вовсе, чтобы выйти к реке по ту сторону страшной, широко раскинувшейся топи.

– Чего молчишь? – Захар приник к самому уху Степана, – Али хочешь дожидаться, покуда мы тут все головы сложим?

– Ночью невозможно по болоту идти, – тихо ответил Степан, – Надобно свету дожидаться, после уж в путь отправляться, а иначе и пропасть недолго. Топь тут страшная, а теперь, по весне, болото талой водой налилось... может и тропу-то водой сокрыло, занесло, надо сперва поглядеть, а то и вправду пропадём тут все... А костёр всё же давай заведём, вон там, в низинке. Оттудова огонь не видать будет, а туман на болоте дело обычное. Мы хоть обогреемся и обсохнем, в землянке сыро, тошно.

Захар ничего не сказал, только отодвинулся от Степана и начал ножиком строгать щепу. Он и сам прозяб чуть не до костей, его трясла дрожь то ли от холода, то ли от беспокойства. Костёр так костёр, ему чего таиться, ежели вдруг обнаружат их пристанище, так он-то сам на здоровых ногах! Скроется в болотах, даже если тропу не найдёт, на кочке любой пересидит, не впервой! А вот эти двое... пусть как хотят, теперь каждому свою шкуру спасать надобно.

Вскоре в низинке запылал небольшой костерок, Степан сидел на деревянном обрубке и грел озябшие ладони, ночь казалась ему сейчас такой долгой, бесконечной... Захар сидел по другую сторону костерка и всё прислушивался, ловил каждый звук и шорох. Потом поднялся и пошёл в землянку, проверить Микиту.

– Спит, – сказал он Степану вернувшись, – Тяжко ему, стонет... рана не шуточная, эх, эх... Ты, Стёпа... пригляди за дверью-то, и за Микитой, а и пошукаю покудова там, на пригорке, куда он указывал... где там добро зарыто погляжу, а то мало ли, придётся скоренько уходить, так быстрее добудем его и ноги в руки!

Степан ничего не сказал, так и остался сидеть у огня, только сам всё смотрел, что делает Захар. А тот взял головню из костерка и неторопливо бродил в том месте, куда указывал Микита, рассказывая, как они с Лёнькой добро прятали. Ходит, а сам с опаской на болото поглядывает, видать помнятся ему Микитины-то слова про Лёньку-покойничка, который в болоте утоп и теперь ничего про схрон рассказать не сможет.

– Земля изрыта вона там, под корявой берёзой, – тихо сказал Захар, вернувшись к костерку, – Ежели что... чуть свет откопаем, да двинем через болото! Ты как хош, а дожидаться покуда сюда ярыжники явятся да загребут я не стану! Вот ты и смекай – со мной иди, либо Микиту караулить... он уже почитай, что и не жилец! Всё одно помрёт!

Захар кинул на землю срубленные еловые лапы, улёгся поверх них и накиннул на плечи свой зипун. Лежак эдак и смотрел в огонь, куда Степан подкидывал хворост.

Так и не сомкнул глаз Степан до самого свету, всё ждал пока сморит сон Захарку. Но не тут-то было! Захарка человеком был ушлым, не зря Степан его с первой встречи «окрестил» хитроватым. Вот и задумывал Степан сперва запереть татей в землянке, да поспешить за подмогой, а вот... не вышло.

Бдит и Захарка, на Степана поглядывает, а тот голову склонил, вроде бы дремлет, а сам слушает, где там «сотоварищ его верный»... С такого станется, огреет чем потяжелее по голове, да прямиком в болото!

Степан понимал, что Захар давно бы попытался его самого пришибить, ежели б не надеялся, что Степан выведет их через болото. Ну, можно даже и не «их», а только его, Захара... Судя по его словам, Микиту он давно уже «продал».

Когда начало светать, просевшая и кривая дверь землянки отворилась и на пороге показался Микита. Лицо его было одутловатым и бледным, он опирался одной рукой на свою палку, а другой держался за дверной косяк.

– Ну, вы чего, на улице что ли всю ночь? Чего вам у печи-то не спалось?

– Боязно, что ты ни говори, – с виноватой усмешкой ответил Захарка, – То шипит кто-то на болоте, то стонет... А ну как и вправду выползет кто да утянет, вот мне бабка говаривала...

– Ладно, «говаривала»! – оборвал его Микита и потёр грудь, его теснило в дыхании, от слабости кидало в пот, – Идти надо, время не ждёт! По утру не мы одни проснулись, искать нас станут, надобно уходить!

Он медленно пошёл к кривой берёзе, а Захар тут же подхватился, кинулся в землянку, взял лопату и побежал за Микитой. Тот встал у пригорка, оглядывая покрытое дымкой утреннего тумана болото, после поглядел на изрытую совсем недавно землю, на ней были отчётливо видны Захаровы следы, он их оставил, когда ходит здесь ночью.

– Что, разнюхивал ужо? – усмехнулся Микита, глянув на Захара, – И чего, не нашёл? Ну-ну! А если б нашёл – нам бы со Стёпой и живым не быть, так? Ах ты, подлая твоя душа...

– Будя тебе базлить! – зло осклабился Захар, – Времени нет зубоскалить, чай, не на ярмарке! Сказывай, где копать, заберём добро да в путь! Ну?

– Копать? – снова рассмеялся Микита, – А чего ты хош откопать? Ну вот, хотя бы тут копай, где ты топтался, лис! – он указал на то место, где Захаровых следов было больше всего, – Как раз Лёньку-то и выкопаешь! А если вон тама станешь копать, то Зиновия Кривого повидаешь, чего там от него осталось, ежели черви не доели!

– Ай! – вскрикнул испуганно Захар и отскочил с того места, где стоял, и его визг как-то не вязался с его суровой наружностью, – Ты же сказал, что утопил Лёньку... в болоте...

– А какая разница! – пожал плечами Микита, – Тут кругом болото!

– А добро тогда где же? А?! Тебя спрошаю! – заорал Захар, и покрепче перехватил лопату, будто собираясь ударить, – Увёл?! От меня увёл, да?!

– Да не ори ты, как баба, ей Богу! – поморщился Микита.

Он с кряхтением поднялся чуть выше на пригорок. Туда, куда не доставала болотная вода даже теперь, поднявшись только ещё начавшимся половодьем. На пригорке, среди вывернутых корней погибших деревьев стоял едва приметный трухлявый пенёк. Пройдёшь, и не заметишь, оно тебе без надобности... Ткнув туда палкой, Микита размахнулся и стукнул ею посильнее, труха посыпалась и пенёк развалился, а внутри показались два мешка, плотной ткани, перевязанные крепкой верёвкой.

– Вот оно, наше добро, – сказал Микита, горделиво глянув на спутников, – Спрятано, лучше не надо, никто бы никогда не приметил, не нашёл! Ну, дайте воды испить, да станем в дорогу собираться!

Золото ли, или близкое избавление от погони словно придало Миките сил, хоть и был он мертвенно бледен и тяжело дышал, но сегодня вроде бы даже чуть и оздоровел... так думал Степан, глядя на разбойника. Что же это, может быть, он ошибся? И рана Микитина не так страшна, или правду сказывал Захарка – хитёр Микита мастер притворяться!

Собрались в путь. Мешки были хоть и небольшие, но тяжёлые. Степан ещё подумал, что идти с такими через болото – верный знак утонуть, далеко с таким грузом не ушагаешь по этой топи! Но разбойники видать про это не думали, глаза у них горели лихорадочной радостью, они накинули мешки себе за спины, хоть Микита и закричал сильнее... Всё лишнее оставили в землянке, прихватили только одно ружьё да баклагу с водой. Степан же взял свой мешок, у него там и так не было ничего лишнего, и осмотрел простёршуюся перед ними топь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.